

Игорь ПРОНИН

НАШЕСТВИЕ

ЗВЕЗДНЫЕ БРАТА

www.melnyk.ru

Игорь Евгеньевич Пронин

Нашествие

Фензин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126826

Пронин И. *Нашествие*: Азбука-классика; СПб.; 2005

ISBN 5-352-01278-6

Аннотация

Люди, населяющие этот мир, внешне немногим отличаются от землян. Но их организм куда более хрупок, а особенности психологии не допускают насилия по отношению к себе надобным. Любой землянин там может почувствовать себя силачом, а уж сели он не слишком обременен моралью и имеет хорошую саблю... Вот только нападающие сами находятся и беде. Земля избавляется от своих отбросов с присущей высокой цивилизации гуманностью, даже не подозревая, что делает из них «антипрогрессоров». Два вида разумных существ на одной планете – слишком много. Один раз, сотни лет назад, аборигены сумели отстоять свое право на жизнь... Но на стороне землян есть не только сила, но и хитрость. С точки зрения местных жителей, хитрость столь же нечеловеческая, как и сила пришельцев. Враждебный вид получает второй шанс: земляне атакуют, чтобы выжить. Война только начинается.

Содержание

ИГОРЬ ПРОНИН И ДЕМОНЫ	4
1	7
2	11
3	17
4	22
5	25
6	29
7	32
8	36
9	40
10	43
11	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Игорь Пронин

Нашествие

ИГОРЬ ПРОНИН И ДЕМОНЫ

*Ищущие Демонов узрят
Их лики, дабы запечатлеть
Их печать в своем сердце, абы отдать дань
Их несотворенному совершенству, дабы устлать
Им дорогу своими Злодеяниями.*

Проповедь Pandemonium

Когда меня попросили написать предисловие к новому роману Игоря Пронина, это меня как-то сразу насторожило: написать о Пронине это вам не фунт изюму. Пронин (кто не знает) – матерый человечество, коренаст, плотен, парень не промах, за словом в карман не полезет. На жизнь зарабатывает в том числе литературной критикой. А вдруг и он потом обо мне напишет?

Это, конечно, шутка, но только отчасти. Писать о Пронине действительно трудно. Во-первых, потому что все его новые книги традиционно сравнивают с дебютным романом «Мао», прозвучавшим, снискавшим, получившим и т. д. Это в корне неверно, это дурная, порочная практика. Пронин слишком разный (иногда до безобразия), чтобы сравнивать его последующие творения с предыдущими, или наоборот. Поэтому о «Мао» я не скажу ни слова, будто и не было такого романа. Sic!

Во-вторых, у Пронина далеко не всегда все лежит на поверхности. Его тексты обязательно заминированы изнутри. Порой два, три раза нужно перечитать текст, чтобы найти мину. И тут не до предисловий, не подорваться бы ненароком!

В-третьих, найдутся многочисленные злопыхатели, которые тут же скажут: знаем мы гнусно прославленных харизматических писателей, небось Бурносов хвалит Пронина за то, что Пронин где-нибудь похвалит Бурносова. Отнюдь нет, уверяю. Наоборот, после этого предисловия я буду спать беспокойно, потому что вскоре выйдет мой роман, и тут пощады не жди и не жди снисходительности.

Что предлагает нам Пронин в своем новом романе «Нашествие»? Как и в книге «Свидетели Крысолова», недавно опубликованной в серии «Звездные врата», перед нами отдаленное будущее. Земляне колонизируют галактику, успешно решая вопросы внешней политики. Так же успешно решаются вопросы политики внутренней: для неисправимых преступников нет ни смертной казни, ни пожизненного заключения в привычном понимании. Земля будущего избавляется от человеческого балласта самым неожиданным способом: осужденных отправляют в ссылку в неведомые места, и билет выдается только в один конец.

И вот земные преступники оказываются на чужой планете, голые и совершенно беззащитные. Планета населена чужой расой, которая переживает в своей истории аналог нашего Средневековья. Аборигены очень похожи на людей, если не считать раздвоенного кончика языка. У землян же язык округлый, они отличаются большей силой и агрессивностью, и потому местные жители считают их демонами – атори.

Триста лет земная Федерация сбрасывает на голову ничем не повинному населению чужой планеты всяческих подонков. Триста лет местные жители уничтожают пришельцев. Однако приходит время, когда пришельцы приспособляются и начинают мало-помалу брать верх...

Именно в это время полицмейстер вольного города Иштемшир посылает четырех доверенных людей к Вессенским лесам, чтобы разобраться в происходящем.

Это все – предыстория. Меня так и тянет рассказать, о чем, собственно, роман, но лучше читайте сами. И не забудьте справиться, не раздвоенный ли у вас язык. Всякое бывает, знаете ли.

Роман «Нашествие» остро наперченная смесь научной фантастики, фэнтези (хотя я боюсь этого термина) и криминальной истории. Здесь легко найти элементы черного полицейского романа: похождения полицейских из вольного города Иштемшира напомнили мне «Новых центурионов» и «Синего рыцаря» Уомбо. Есть в книге вполне аутентичные чиновничье-сословные интриги, которые не только важны для развития сюжета, но еще и психологически живописны. Есть поразительные в своей достоверности батальные сцены, которые, кстати сказать, обыкновенно удаются нашим «мастерам фэнтези» хуже всего.

Мне очень нравится такая жанровая сценка:

«Ему запомнился боец, у которого в груди торчал кинжал по самую рукоять. Он сидел, прислонившись к стене дома, и слабым голосом командовал товарищами, схватившими убийцу:

– Выдави ему глаз, Джи... О Господи, я ведь сейчас умру! Отрежь ему губы... Скорее, Джи, он ведь меня убил!»

К счастью, в романе нет сложных описаний боя на мечях, «двойных переклестов через плечо с завершением в печень» и прочих нечитаемых кусков. Пронин пишет о войне правдоподобно и чуть натуралистично, словно бы сам пережил увиденное и потом попросту записал в перерыве между боями в дневничок, извлеченный из запачканного вражеской кровью планшета.

Не знаю, хотел ли Пронин переключки с Лавкрафтом, но эта переключка есть. А еще автор сумел вложить в свою книгу малоприметные, но очень хитрые отсылки к современной России. Следуя правилам игры, я не буду открывать карты. Это именно игра – игра автора с читателем, притом автор тот еще змей-искуситель (не раздвоен ли у него язык?).

Герои у Пронина разные. Добрые и злые, хитрые и простосердечные, сильные и тщедушные (мне сразу вспомнились, не к ночи будь помянуты, толкиеновские невысоклики и их неслабое путешествие к Ородруину). Все они – характерные куклы, которыми верховодит опытный мастер Пронин. Он, я думаю, и не собирался выписывать каждого персонажа со всей возможной тщательностью: героям хватает жизни, чтобы достойно умереть. Достоинство ли это? По-моему, несомненное. Не допустить «картонности», ограничившись при этом двумя-тремя мазками почти на каждого – дорогого стоит.

Пронин по крупному схитрил, когда строил сюжет: кое-что поставил с ног на голову, кое-что умеючи припрятал до поры, чтобы огорошить читателя в самый неожиданный момент, кое-что недоговорил, оставив простор для размышлений. Но в этом, на мой взгляд, и состоит писательское мастерство – по-своему сыграть на известном поле. В сюжете романа «Нашествие» нет ничего принципиально нового, а все одно история вышла запоминающаяся.

Отдельного внимания заслуживает проницкий язык. Он на диво прост, но это именно та простота, которой не хватает большинству современных русскоязычных фантастов.

Я вовсе не утверждаю, что «Нашествие» станет событием в мире русскоязычной фантастики. Нет, и это даже к лучшему – такие книги не рассчитаны на толпы поклонников и на горячее обсуждение в форумах. Это вещь из разряда тех, что читают поздним вечером у горящего камина, завернувшись в плед, с чашкой кофе в руке. Вещь для ценителя, любящего подумать над мелочами текста, желающего «уйти» в роман с головой и досочинить то, что напрямую не сказал автор. Наверное, именно поэтому у Пронина и нет хэппи-энда – хэппи-энд отучает людей сопереживать и думать.

Закончить я хотел бы цитатой из романа: «Лучше быть повешенным на площади Шале за убийство, чем позволить демонам сожрать свою душу».

Поздно, говорит Игорь Пронин. Уже сожрали.

Поздно?

Юрий Бурносков

1

Никто не знает, сколько лет Иштемширу. Согласно легенде, первым утвердился в устье Большой Шоссны король Минош, но больше про него почти ничего не известно. Вероятнее всего, древний властитель, вытесненный вместе со своим народом с плодородных земель юга во время очередной войны, сумел закрепиться на склонах Чакара, горы на правом берегу Шоссны, и занялся грабежом проходящих по реке купеческих караванов – тех, что послабее, разумеется. До него тем же самым наверняка занимались другие разбойники, но от них не осталось даже имен. Святые Отцы не любили Миноша, называя его грешником.

Северное Междуморье, к которому стремятся реки бассейна Большой Шоссны, отгородилось от земель Ноосата (что значит «мост» на древнечегишайском) горным хребтом. Наполовину он находится под водой, что чрезвычайно затрудняет любое судоходство; недаром моряки говорят об этих местах: «миллион островов, два миллиона мелей, а потом и пристать некуда». Это правда: скалы выходят из воды на берег, возвышаясь, словно крепостная стена. Удобных гаваней нет, а значит, нет и городов. Крестьянам в горах и вовсе делать нечего, поэтому побережье остается безлюдным, если не считать редких рыбацких деревушек, каждая из которых населена отдельным народом. Эти бедолаги совершенно одичали, выродились и постепенно вымирают, а что самое ужасное, совершенно забыли Книги и не пускают к себе Святых Отцов. Небо отвернулось от них.

Тем не менее побережье беспокойно – одетые в шкуры морских животных рыбаки не только отвергают Небо, но и ненавидят всех, чужих Книги. Горе кораблю, разбившемуся о скалы или прочно севшему на мель, – дикари обязательно приплывут ночью на своих крошечных плоскодонных лодках и перебьют всю команду. Некогда Жельшетай, Освободитель Вселенной и второй император Кенчи, собирался выжечь эту заразу раз и навсегда, но не успел. Его наследники от идеи отказались: эскадра к берегу не пройдет, а от плывущих на шлюпах воинов дикари успеют удрать в скалы, затеряются в каменных лабиринтах. Пусть доживают, пока не упадет на них грозный взгляд нового Освободителя, который рано или поздно воцарится на севере, в Кеичи-пьяше. Пока же Небо дает людям Ноосата передышку, и после давнего Великого южного похода Жельшетая тут совсем отвыкли от звуков труб и барабанов.

Второму императору не удалось тогда завоевать Никею: армия южан выступила навстречу, вторгшись в Сош и даже Грохен. Не ожидавший такого нахальства, Жельшетан лишь после трехдневной битвы сумел собрать воедино застигнутое на марше войско и тут же обнаружил, что оно сократилось на треть, а практически полная гибель обоза грозила обернуться катастрофой. Император затворил солдат в Грохене, столице одноименного княжества, а сам в сопровождении гвардии вернулся в Иштемшир, чтобы дожидаться там подкрепления с севера. Конечно, оно прибыло бы своевременно, но еще раньше в городе оказалось известие о вторжении в империю леш-хуланов, северных варваров. Разгневанный Жельшетай покинул Ноосат на первом же корабле и больше уже никогда не появился – к великой радости иштемширцев.

Это случилось четыреста пятьдесят лет назад, и с тех самых пор гвардия, оставленная вторым императором в городе, охраняет Морскую стену. Командование над армией, осаждающей в Грохене, Жельшетай передал грохепскому же князю, своему вассалу, и тот, отчаянно торгуясь, поменял ее на обещание никейцев покинуть его земли. Однажды утром северяне, уже порядком оголодавшие, вышли из Грохена и пешим строем направились в Иштемшир. По пути большая часть из них была истреблена налетавшими со всех сторон визжащими южанами, зато оставшихся встретили как героев, бургомистр даже выслал навстречу им корпус городской стражи. Месяц спустя с севера пришел высочайший указ о

награждении героев Великого южного похода землями (их надлежало выделить Магистрату Иштемшира). Князю Грохена, женившемуся на одной из никейских принцесс, Жельшетай обещал лично перерезать горло, но, как и многое другое в своей бурной жизни, не успел исполнить.

Так возник квартал Ветераны. С краешку, далеко за Третьей стеной, поселились в жалких лачугах северяне, они же выстроили первую часть Четвертой стены. Магистрат не придумал, чем еще их занять на первых порах, земли-то у города не было. Постепенно Ветераны становились все зажиточнее, и теперь там проживает множество достойных людей – полицейские любят этот квартал.

Полиция в Иштемшире совершенно особого рода, что тоже является следствием Великого южного похода Жельшетая. Собираясь присоединить к империи Кенчи не слишком-то зажиточную Никею, властитель мечтал о создании на берегах Южного Междуморья мощного форпоста для дальнейших славных завоеваний. Ноосат, перемычка между Альчаем и Мегидией, двумя великими материками, сам по себе малоинтересен: нет в нем ни залежей руды, ни сверхплодородных нив, ни даже накопленных веками сокровищ. Реки, по сравнению с северными, очень бедны рыбой, а леса изобилуют лишь опасными тварями вроде змей да пауков. Южные Освободители никогда не жаловали Ноосат, ограничиваясь разве что набегами на Никею, а с запада и востока этот скучный клочок земли прикрывал тот же горный хребет, который превратил северное побережье в столь ненавидимый морями край. Правда, существовал еще путь на восток, в Мегидию – через зловещий Вессен, но эти края были неприкосновенны даже для Освободителей Вселенной. Вессен – преддверие Ада, там хозяином сам Подземный Князь, и не земным владыкам с ним бороться, на то есть Отцы.

Жельшетай прибыл к Иштемширу, чья Морская стена, древнейшая, обороняла устье Шоссы уже как минимум тысячелетие, во главе эскадры из девяти сотен кораблей. Так написано в летописях, что бы ни говорили нынешние летописцы о бессовестных преувеличениях старших коллег. Штурм города и сопутствующие ему огромные потери стали бы не слишком удачным началом Великого южного похода, но, не завладев единственным на весь северный Ноосат портом, начать его было просто невозможно. Эти соображения посланцы второго императора изложили бургомистру еще в то время, когда князь Вельшей только собирался выехать из своей загородной резиденции, чтобы возглавить оборону столицы княжества. Бургомистр, поразмыслив, приказал князя в город не пускать, а сам начал торговаться. Спустя три дня флаг Вельшей (названной в честь того самого легендарного короля-разбойника) торжественно сполз с флагштока, укрепленного на маяке Миноша, а на его месте тут же оказалось клетчатое знамя Кенчи. Флагман причалил, и сошедший на берег Жельшетай прямо в Морском порту зачитал «Указ о вольностях для города Иштемшира» – на этом месте теперь памятник второму императору, вечно изгаженный чайками.

Одним из пунктов «Указа о вольностях» особо оговаривались вооруженные силы, остающиеся в распоряжении Магистрата. Таковых вышло три: корпус городской стражи, морская дружина и, самая скромная, полицейская бригада. Еще один пункт гласил, что в Иштемшире не будут присутствовать войска империи, но он как-то сам собой забылся, когда на Морскую стену поднялись гвардейцы Жельшетая, и о нем не принято вспоминать. Тем не менее в остальном «Указ о вольностях» выполнялся почти безупречно, и город действительно стал вольным. Князя Вельшей некоторое время пытались восстановить свое влияние, но ни жители Иштемшира, ни тем более его Магистрат во главе с бургомистром этого не пожелали. Вот в этом нежелании одних и неспособности других что-то изменить распри и застряли, теперь о них напоминало разве что титулование князей Вельшей, продолжавших упрямо числить Иштемшир среди своих владений. На это закрывали глаза даже за Северным Междуморьем, благо и сам князь тоже был вассалом империи Кенчи.

Иштемшир защищают пять стен. Первая из них, Морская, состоит из двух колец. Одно, большое, окружает гору Чакар на восточном берегу Шоссны, а второе, малое, – скалы Сестры напротив. Эти кольца окружены водой: морем, Шоссной и еще той, что плещется в глубоких рвах, прикрывающих Морскую стену со стороны суши. Примерно на середине устья – ширина которого целых два меша! – находится остров Шелл, на котором расположена одноименная крепость, она тоже входит в комплекс Морской стены. По дну реки проложена галерея – настоящий «подводный ход». Галерея постоянно протекает, но на случай осады вполне пригодна. По обе стороны от острова проходят фарватеры, по которым каждый день плывут маленькие галеры морской дружины. Они тянут баржи от Морского порта, расположенного в удобной бухте у северного склона Чакара, к Речному порту, куда большие корабли пройти не могут. В обратном направлении баржи сплавляются сами, по течению, управляемые лихими шкиперами. Раз в три месяца сюда же, в Морской порт, приходят огромные военные корабли империи Кенчи, они привозят новых бойцов Ордена Неба.

Тысяча новобранцев с севера по традиции сутки гостят у гвардейцев, которые охраняют Морскую стену, все ее крепости и башни. Прежде на горе Чакар располагались и Магистрат, и главная резиденция князей Вельшей, но городские власти предпочли перебраться за Вторую стену, подальше от имперцев, а князья и вовсе исчезли из Иштемшира. Новобранцы, бледные, запуганные, не склонны праздновать свое прибытие в Иштемшир. Они кучками таскаются всюду за вышедшими навстречу иштемширскими Святыми Отцами, хором шепчут молитвы. Зато приведшие их сержанты, народ тертый, всюду веселятся в компании гвардейцев, вино льется рекой. Отцы это терпят, ибо каждому нужен отдых. Наконец приходит утро, и тех сержантов, что не могут стоять на ногах, вповалку грузят на телеги. Молодые небесники строятся в длинную колонну, пятьсот пар, и бредут через город вслед за облаченными в голубые рясы Отцами. Их долгий путь лежит в Ларран, столицу Ордена Неба, охраняющего Землю от Подземного Мира.

Вторая стена окружает Старый город, раскинувшийся на восточном берегу, вокруг Чакара. Здесь многие здания помнят еще своих хозяев-чегишаев, когда-то владевших этой землей, фундаментами им служат скалы. В Старом городе живут сплошь представители древних родов, иштемширские аристократы, тут и полицию делать нечего – стражники не пускают за Вторую стену посторонних. Здесь колонна проходит всегда по одной и той же улице под говорящим названием Прямая, каждое окно украшено цветами, но выглядывать из окон не принято, так же как и стоять у домов. Странная традиция свято соблюдается, ордынцы слышат в Старом городе лишь собственное пение.

Совсем другое дело за Второй стеной. Тут куда просторнее, несколько шумных кварталов: Белый, Чегишаи, Монета, Рынок, Речной порт... На пути колонны толпы людей. Как ни привыкли горожане к этому зрелищу, а оно регулярно случается вот уже триста с лишним лет, – каждый раз находится достаточно желающих поглазеть на небесников. Впрочем, куда больший интерес иштемширцев вызывают городские начальники, обязательно пешком сопровождающие воинов, и их жены и дочери, выстраивающиеся перед Магистратом на площади Шале. Задача дам – осыпать строй небесников цветами, шарфиками, молитвенниками, вешать на бычьи шеи храбрых сержантов пакетики с бинтами и бальзамами и, конечно, плакать. Если какая-то из дам не удержится и станет болтать, горожане начнут пихать друг друга локтями и посмеиваться в ладонь, стараясь не встречаться взглядом со снующими всюду «грачами» так прозвали в Иштемшире полицию за черную форму.

Небесники идут по замысловатому маршруту, проходя через все кварталы, при этом дважды пересекая Третью стену, посещая те места за ней, что почище, например квартал Ветераны. Ворота в Четвертой стене в это время заперты – туда ордынцы не пойдут. За невысокой, но длинной стеной, предназначенной для защиты не от неприятеля, а от бродяг и воров, небесникам делать нечего: тамошние кварталы грязны и населены всяким сбродом.

Они направляются через мост Отца Невода на другой берег Шоссны, в Заречье. Согласно летописям, первым прошедшим по этому мосту был именно отец Невод, возвращающийся на север из Вессена. Всего же через реку переброшено четыре моста – один, мост Желаний, ведет в Заречье из Старого города, ближе к устью, чем мост Отца Невода, а еще два выше по течению, в предместьях. Небесники, пересекая Шоссну, кидают в воду полученные от дам букеты – такова традиция, а вступая в Заречье, по команде сержантов обнажают мечи. Дело в том, что, лишь покинув левый берег, отец Невод вложил свое оружие в ножны. Здесь, в Заречье, им предстоит пройти еще через одни ворота – в Пятой стене, столь же невысокой, как и Четвертая, но куда прочнее.

И после этого ордынцы еще не покинут Иштемшир. Город разросся за последние полторы сотни лет, и Магистрат искренне не понимает, как можно числить во владениях князя Вельшей свои предместья. Поэтому и тут небесников сопровождают «грачи», разгоняя ножами шумных хуланов на безымянных грязных улочках: еще сильна власть бургомистра! Поговаривают, что скоро быть Шестой стене, да нет пока благословения с севера на эту постройку: хоть Иштемшир и вольный город, а ссориться с Кенчи-пьяшем нельзя, все следует делать по закону.

Наконец кончаются и предместья. Колонна вытягивается вдоль пыльной дороги, ведущей небесников к Грохену. Не слишком-то короткая дорога в Вессеп, но сержанты, каждый из которых провел в войне с демонами по нескольку лет, ни за что не пойдут другой и не желают ее даже прокладывать. Ведь только в Грохене, этом небольшом, но шумном городке, имеется Дом встреч. Некоторые говорят, что в распутной Никее таких заведений полно, но кто там был, в этой Никее? Отцы стерпят разврат, хотя сами и близко не подойдут к Дому встреч, обогнут его стороной, вместе с частью новобранцев, не поддавшихся искушению. За души ордынцев Отцы не беспокоятся – о них, защитниках Неба, Небо и помолится. В конце концов, отправляясь в преддверие Ада, не обязательно посещать баню так говорил когда-то сам отец Невод.

Небесников провожают несколько десятков бездельников, пытаются задирать сержантов, но у первого же придорожного трактира отстают. Дальше ордынцы двигаются лишь в сопровождении ребятишек да нескольких «грачей», но у Шеймского озера и те и другие останавливаются – это тоже традиция. Дети бедняков о ней не знают, но идти дальше без полиции боятся, ведь матери часто пугали их небесниками. Что поделать – воители с атори в глазах простого народа сами становятся кем-то вроде демонов.

Вот колонна ордынцев скрылась за холмом, и полицейские без команды уселись на траву, достали кисеты и трубки. Босяки потянулись прочь, в подражание ордынцам выстроившись попарно в колонну. Теперь они несколько дней будут обсуждать: а не записаться ли, как только подрастут, в небесники? Кто-нибудь посоветуется с папашей, и тот, нахлестывая по худой заднице, объяснит: лучше быть повешенным на площади Шале за убийство, чем позволить демонам сожрать свою душу. А ведь именно такая судьба ожидает всех отправившихся в Ларран – оттуда не возвращаются, разве что сержанты прогуляются на север за новобранцами.

Полицейские не спешат. Они редко покидают город, более того, неуютно себя чувствуют вдалеке от его толп и стен и сейчас напиваются благодатью открытого пространства. Крестьянские поля тянутся вдоль дороги до близкого леса, у которого эта земля и отвоевана. На севере видна зубчатая полоса прибрежных скал, на юге изгиб Малой Шоссны, самый большой из притоков короткой, но широкой реки. В этот летний день нет ни ветерка, дымки из трубок окутывают отдыхающих на лугу «грачей», припекающее солнце предлагает вздремнуть после длинного пути. Но полицейские люди привычные, могут и целый день на ногах выдержать.

2

– Надо шляпу новую купить, – без особой на то причины сообщил товарищам Вик Палассе и повертел в руках свой форменный черный головной убор. – А то у Старого терпение лопнет.

– Хорошая шляпа, – пожал плечами сержант Шели Грамми, ее прежний владелец. – Носить надо аккуратнее, чистить хоть иногда.

– Ты сам-то ее чистил? Ободранная вся, поля смяты...

– От тебя благодарности не дождешься. – Грамми выпустил очередной клуб дыма. – Не нравится – верни, купи себе другую.

Вик Палассе недавно в очередной раз отличился: покинул караульную будку, чтобы разнять драку, оставив в ней и плащ и шляпу. Вернувшись, полицейский не обнаружил там своей одежды, и счастье еще, что успел раздобыть замену до вечернего развода, – полицеймейстер Арно Галашше, он же Старый, давно грозился отослать Вика в морскую дружину.

– Самое смешное, слышь, Шели, самое смешное, что мне ведь тогда попался какой-то тип в моем же плаще! Я ему отсалютовал, а сам иду к будке и думаю: что-то я его не помню... – фыркнул Палассе. – Потом, конечно, побежал следом, а уже поздно.

– Дурак! – буркнул Леппе, третий их товарищ, как и первые двое выходец из детского приюта.

– Seriously! Он, наверное, сообразил, что я кинусь за ним, и быстрее заныкал куда-нибудь барахло... На рынке это просто.

– Какой же ты дурак...

– Эта сволочь наверняка из хуланов, – убежденно сказал Вик, ничуть не обижаясь. – Если узнаю кто – искалечу сразу, Небо простит. Но лица, честно говоря, совершенно не помню, он очень низко надвинул шляпу. Вот так.

Щели покосился на друга через плечо и покачал головой, переглянувшись с Клэсом Леппе:

– Давай его сбросим с моста. И Старый будет рад, и нам меньше позора.

– Хорошо бы... – проворчал Леппе и поднялся. – Кончай курить! Пора на службу.

«Грачи» не стали спорить, хотя каждый предпочел бы еще поваляться на травке. Сержант Леппе сегодня был назначен старшим по причине занятости лейтенанта Рошке, а поблажек от него не дождешься.

– Ты бы шел вперед, Хромой, осмелился предложить только Бык Метессе, да и то с улыбкой. – Пока до моста доковыляешь, мы догоним.

– Заткнись! – посоветовал ему Леппе. – Выколачивайте трубки, парни, пора.

– Может, еще Эшуда встретим, – предположил Вик.

– Вряд ли, у него там дело на пять минут.

– В Хуланах? – вспомнил Шели. – Это ты, Вик, его туда послал? Обидчика искать, да?

– Старый его послал. А я бы, конечно, тоже сходил... – насупился Палассе. – Он, знаешь, вор такой... с тебя примерно ростом, в плечах пошире.

Строить «грачей» Леппе не стал – больше пришлось бы возиться. Просто зашагал первым, оглянувшись только на повороте дороги, когда впереди показался трактир «Вельшейский странник». Полицейские, к его глубокому удовлетворению, толпой шли следом, обмахиваясь черными шляпами.

Бездельники, провожавшие небесников от города, как раз успели потратить свои гроши и теперь переругивались с хозяином, не желавшим наливать в долг всякой гопоте. Вышибала уже успел ткнуть кого-то мордой в пыль, а трактирщик крутил колесико внушительного арбалета.

– Вот мы тебе подпустим красного петушка-то, мразь вельшейская! – с никейским акцентом пообещал смуглый человек, но приятель ткнул его в плечо и указал на приближающихся полицейских.

Не желая лишний раз общаться с представителями сурового иштемширского закона, голодранцы заспешили прочь. Хозяин, вместо того чтобы поблагодарить «грачей», смерил их хмурым взглядом и ушел в дом, демонстративно захлопнув дверь.

– Удачного дня! – ухмыляясь, выкрикнул длинный вышибала, прислонившись к забору. – Скольких еще нужно повесить до заката?

– Одного, Джемо. Одного прикурка с противной рожей и длинным языком, – ответил за всех Шели Грамми. – Не хочешь прогуляться с нами и посмотреть?

– Нет, господин сержант, мне и здесь неплохо. Подальше от городских стен. Вельшея – свободное княжество.

– Ну передай от меня привет своему князю. Он, наверное, в вашем заведении обедает? Как раз вся его дружина влезет за два стола. Хотя откуда у него деньги... И еще, Джемо, когда эти душегубы вернутся, чтобы выпустить тебе кишки и сжечь ваш поганый трактирчик, ты уж будь любезен, не жалуйся.

– Не буду, господин сержант. – Вышибала протянул длинную руку и снял висевшую на заборе дубинку с ременной петлей. – Сам как-нибудь справлюсь и с иштемширскими ворами, и с иштемширскими говноклоями.

Шели стоял прямо перед ним, сзади тут же выросла внушительная фигура Быка, Вик, отвернувшись, положил руку на эфес. Прошедшие было мимо полицейские остановились, поглядывая то на ссорящихся, то на окно, откуда высунулся хозяин с арбалетом.

– Отставить базар! – потребовал Леппе. – Шели, ко мне! Бык!

– Иногда у меня бывают выходные, – сообщил на прощание Грамми и как ни в чем не бывало запыхавшись по дороге дальше к городу.

– У меня тоже!

Вик пошел следом.

– А я всегда на службе. – Бык Метессе медлил, буравя тяжелым взглядом Джемо. – В подвале на площади Шале. Сдается мне, однажды побеседуем.

– Бык! – снова окрикнул его Леппе. – В строй!

– Иди-иди, – пробурчал вышибала, расслабляясь. – Палач... Кат позорный.

Метессе не оглянувшись, он гордился своим умением работать с кнутом. Именно с его приходом подвал под Полицейским управлением стали называть «певческой».

– Я обо всем доложу вашему начальству, – сухо сообщил через окно хозяин.

– Будьте так любезны не упустить ни одной подробности, господин Леппе, – попросил Шели Грамми.

– В строй! – опять скомандовал Леппе. – Мы уже в виду города, не бредите как овцы!

Предмесья Заречья славились лютостью своих обитателей, в большинстве выходцев из Никеи, Грохена и Соша, проще сказать беглых крестьян оттуда. Вельшеев эта публика терпеть не могла, как тех, что проживали в Иштемшире, составляя большинство его населения, так и остававшегося вне стен, на территории княжества. «Вельшейский странник» уже давно бы сгорел, не пользуясь он покровительством хуланских бандитов.

– А не спалить ли его в самом деле? – тихо поинтересовался у Леппе Вик. – Только глаза мозолит этот трактир. Половина краденых вещей сюда попадает...

– Не наше дело, путь бургомистр решает.

– Я говорю: спалить потихоньку... Все подумают на никейцев.

– Ты бы шляпу новую купил, Вик, а не искал приключений.

Предмесья представляли собой беспорядочные нагромождения бедных домишек, разделенных крохотными огородами. Здесь полицейские чувствовали себя спокойно, другое

дело – Хулань. Это был уже целый квартал, прилепившийся к Пятой стене, с обеих сторон колонну окружили высокие заборы. «Грачи» пошли в ногу, дружно позвякивая оружием, – кроме сплоченности, ничто не могло их защитить от одинокой стрелы, летящей с чердака какого-нибудь заброшенного дома. Проткнут ногу, и будешь хромать, как Леппе, всю оставшуюся жизнь. Даже Бык Метессе втянул голову в могучие плечи: его, палача, тут кое-кто считал душегубом и мог убить с чистой совестью.

– Беспокоюсь я за Эшуда, – пробормотал Вик. – Такие сволочи эти хулань... Я бы всех выкинул обратно на север. Посадил бы на корабль вместе с бабами и ребятней, и все.

– Ага, в Кенчи их ждут не дождутся, – хмыкнул Шели.

– Тогда на баржу, чтоб не доплыли... Прости меня Небо за такие слова. О Эшуд! Я же говорил!

Шели Грамми мог бы заметить, что ничего, кроме чепухи, Вик, как обычно, не говорил, но промолчал. Действительно, Старый здорово рисковал, посылая в Хулань одного полицейского. Конечно, там тоже есть пара сторожевых будок, где попарно дежурят «грачи», но Эшуду Петоле предстояло пообщаться с самим Чивохой Пуговкой, а это не шутки.

Все обошлось: «самый черный грач», как звали Эшуда в полиции, да и не только, стоял у самых ворот и щепочкой снимал с сапог толстый слой хуланской грязи. Он помахал приближающимся приятелям и тут же улыбнулся проходившему мимо хулану. Тот, сняв колпак, поклонился «грачу» едва ли не в пояс.

– Что еще случилось? – тут же нахмурился подозрительный Леппе.

Даже в приюте Эшуд Нетоле был самым черным, хотя там хватало потомков никейцев. Толстогубый, широконосый, он ни за что не попал бы в полицию, если бы не приглянулся самому Галашке. «Этот парень поможет нам работать с южанами, в Иштемшире нынче полно этой швали», – изрек полицмейстер, выбирая ежегодную шестерку. По строю сирот прокатился тяжелый вздох: стать «грачом» считалось лучшим вариантом. Остальных забирали в морскую дружину, из-за частых штормов там вечно не хватало людей. Полицейские гибли реже, да и жизнь у них была куда как разнообразнее.

Однако действительность оказалась довольно жестокой: один из шести счастливицов уже обзавелся могилой, а другой пропал без вести. Зато из четырех оставшихся трое стали сержантами, и только Вик Палассе, вечно попадавший в глупые истории, не продвинулся по службе.

– Как сходили?

– Как обычно, Эшуд, наше дело маленькое. – Леппе жестом остановил строй. Это у тебя какие-то секретные поручения от Старого, а мы – как обычно...

– Я беспокоился за Вика. Боялся, что он уйдет в Ларран с небесниками.

– Разве что до Грохена, до Дома встреч, хмыкнул Шели. – Но ты, я вижу, пользуешься тут популярностью? Чивоха Пуговка принял тебя в семью?

– Чивохи нет, или мне сказали, что его нет. Я говорил с Крохой Ляссеном, – гордо сообщил Эшуд. – Согласись, Кроха мужик серьезнее. Грязно тут... И везде тухлой рыбой воняет. Я не сильно пропах?

– Сильно. – Леппе отвернулся к строю. – Бык! Назначаю старшим, веда всех в казармы, в распоряжение дежурного лейтенанта!

– Слушаюсь, господин сержант! – ухмыльнулся Метессе. – Секретничайте в свое удовольствие.

Стражники посторонились, пропуская «грачей», и четверо друзей остались одни. О чем-то оживленно треща па своем наречии, мимо прошли несколько хуланов, все они улыбались, поглядывая на Эшуда, и приподнимали колпаки.

– Ну что? – Вик терял терпение.

– Атори! – Эшуд улыбнулся во весь рот. – Прямо тут, в двух шагах от Пятой стены, представляете? Самый настоящий атори, и надо же такому выйти – я его первый заметил.

– Убил? – Леппе недоверчиво покачал головой. – Ловко! А тело где?

– В будке, я уже послал одного надзирателя в Управление, Галашше пришлет кого-нибудь с телегой. Только руки не хватает, хуланы сперли... Я ее отрубил.

– Пошли посмотрим! – попросил Вик, умоляюще глядя на Ала.

– Ладно, – согласился Леппе. – Успеем до развода.

Нетоле, чувствовавший себя героем, с готовностью проводил друзей. У сторожевой будки толпились несколько десятков хуланов, даже женщины, что было неслыханной редкостью. Надзиратель, расправив плечи, застыл у двери.

– Гус! Разрешить нам взглянуть? Ребятам интересно, – обратился к нему Нетоле.

– Конечно, господин сержант! – разудыбался «грач» из молодых. – Кому, как не вам? Проходите, только у нас там тесно...

Атори лежал на пропитанном кровью хуланском вязаном плаще, его тело наискосок пересекало крохотное помещение будки. Стол отодвинули в угол, на него взгромоздили табурет. Вик замешкался, не решаясь перешагнуть демона, тогда это первым сделал Леппе.

– Он мертв, дурачок.

– Откуда знать? Вдруг оживет... Я слышал, такое бывает. Да, Эшуд?

– Не думаю. Я его проколол в трех местах, а потом еще, видишь, хуланы постарались, пинали и топтали несколько минут.

– А руку, значит, сперли под шумок, – вспомнил Шели и указал на обрубок запястья. – Будут теперь зелья всякие варить... Он был в облике женщины, насколько я понимаю?

– Скорее девушки, – уточнил Эшуд. – Я поговорил с Ляссеном, вышел со двора и решил закурить, чтобы перебить вонь. Слышу: кто-то кричит, довольно далеко. Я повернул голову и увидел девушку. Она была закутана в плащ, а на голове мужской колпак. Но это, конечно, не мое дело, пусть хуланы ходят как хотят, только, когда она мимо меня прошла, я заметил, что у нее башмаки не по размеру, задники по пяткам шлепают.

– Прямо рядом с тобой прошел?! – изумился Вик и осторожно присел, разглядывая истоптанное тело. – Волосы светлые, как у хуланок.

– Да, но глаза другие. У хуланок круглые и навывкате, а у атори были вельшейские глаза, обыкновенные. Сейчас, конечно, все разбито... Это хуланы. Я кричу ему: стой! Ну, потому что ребенок какой-то в стороне все надрывается, мало ли что. А она, ну то есть демон, быстрее пошла. Я опять: стой, именем закона! Не останавливается. Я следом, еще чуть не растянулся на этой грязи, ну, он за поворот и скрылся от меня. Тут же заборы везде эти проклятые! Я следом бегу, а впереди лужа. Дай, думаю, перепрыгну в узком месте, а уж потом за ней. Прыгнул, повернулся – а демон стоит за углом, с ножом! Если бы я побежал прямо за ней, конец бы мне, точно.

– Точно, – эхом повторил Вик и осторожно поддел пальцем не испачканную кровью и грязью прядку волос. – Может, отрезать на счастье?

– Какое от атори счастье, идиот? – присел рядом Шели. – Лучше не трогай. А язык смотрел, Эшуд?

– Конечно. Ну так вот, я саблю вытащил, говорю: брось нож! Она вроде послушалась, еще улыбнулась мне, и вдруг как махнет плащом! Хорошо еще, у меня сабля не запуталась, я его сразу отбросил, ну и отмахнулся. Удачно: руку отсек. А уж потом, конечно, ткнул пару раз. Выскакивают со всех сторон хуланы и кричат: «Атори, атори!» Сам бы я и не понял.

Шели, вытащив кинжал, просунул его между раздробленных зубов и поддел язык демона. Так и есть: длинный, ровный, без малейших признаков раздвоенности. Вик тихо ахнул.

– Такой же, как у того, что привезли из Грохена полгода назад, – сказал Леппе, чтобы тоже что-то сказать. – Но то Грохен, а то прямо здесь, в Хуланах... Правда, тот атори был крупнее.

– Так в женском же обличье! – развел руки Эшуд. – Все равно он меня два раза чуть не убил. Да, а там, где мальчик хуланский кричал, тело нашли с перерезанным горлом. Хулан тоже какой-то. Атори его подстерег в темном уголке, зарезал и взял плащ, колпак и башмаки. Под плащом на ней... на нем что-то вроде грохенских шмоток было, ну с бахромой.

– Чудно! – Шели выпрямился. – Куда он шел из Вессена? Через Ларран, через Грохен, может даже, через Сош... Не понимаю, что ему делать в Иштемшире?

– А тот, шесть лет назад? – заспорил Леппе. – Который в Старый город пролез. Куда он шел?

– Тоже странно. Не в порт же? Зачем ему в порт?

– Может, он хотел плыть на север, чтобы убить императора, Кто их поймет, Адово отродье... Хорошо еще, что ты жив остался. Молодец, Эшуд.

– Благодарю вас, господин старший сержант! – захохотал Эшуд. – Мне так приятно ваше поощрение! Давайтежде телеги, вместе сопроводим тело.

– Незачем, – покачал головой Леппе. – То есть ты, конечно, имеешь полное право, но нам нужно идти. Пусть уж стражники сопровождают, это их обязанность. Галашше приказал ни в коем случае не опаздывать к разводу, он что-то хочет нам с Грамми сказать.

– Ты не рассказывал! – обиделся Шели, отрываясь на миг от созерцания трупа демона.

– Зачем? Я тебя вел. Пошли скорее.

– Стой... – Грамми вздохнул и исподлобья оглядел товарищей. – Слушайте, раз уж такой случай... давайте его рассмотрим.

– В каком смысле? – испуганно вскочил Вик.

– Ну... хотя бы вот тут. – Шели осторожно откинул полу плаща и подцепил кинжалом грязный подол короткого грохенского платья. – Говорят, они хотя и принимают человеческое обличье, но там, внизу, все равно бесполы. Интересно.

– Дурацкий интерес, – нахмурился Леппе.

– Может пригодиться. – Шели задрал демону подол. – Шаровары... Да, так вроде бы в Грохене ходят. Вот представь, Хромой: нашел ты труп без головы. Как поступишь? Вызовешь стражу, они его на телегу и в ров на пустыре, никто не рассмотрит. А если это атори? Можно ведь проверить, даже когда языка нет, и вскрывать тело, внутренности рассматривать тоже не нужно. Это если они в самом деле бесполое.

Он перерезал тонкий кожаный ремешок, но пропитавшиеся кровью шаровары не захотели сползать. Тогда Шели аккуратно вспорол и их. Пах демона оказался прикрыт еще какой-то тряпицей.

– Во как! – чуть дрожащим голосом сопроводил это открытие Грамми. Не каждый день ему приходилось раздевать демона. – Так, а что дальше?

Но дальше демон выглядел так, как и должна выглядеть человеческая женщина. Или почти так... Шели обвел друзей взглядом, но помощи не дождался. Все четверо оставались холостяками, и в грохенский Дом встреч их судьба не заносила.

– Ну что?

– Надо завтра зайти к Отцам и спросить, – нашел решение Леппе. – Не совсем приличный вопрос, конечно... Но думаю, можно поинтересоваться. Прикрой и как-нибудь замотай его в плащ, а то мало ли что подумают...

– Подумают, что мы тут вчетвером изнасиловали мертвого атори! Мне рассказывал один чегишай, что есть такие особые духи, они помогают. Нет, правда: кто-то может так подумать! – глупо захихикал Вик. – Шели, я тебя тогда просто убью!

– Никто ничего не подумает. – Грамми аккуратно опустил подол, даже осмелился расправить рукой. – Стражники не заметят, а Отцам я завтра сам все объясню. Ну нарвусь на десяток палок по рукам, в первый раз, что ли... И вообще, Вик, ты так говоришь, будто у тебя встал!

Палассе хотел было отступить на шаг, но лишь впечатался спиной в стену будки и густо покраснел: – Шели, ну чего ты ерунду мелешь? У нее там все чисто.

– А ты думал, у атори бывает течка? – Грамми закутал тело демона поплотнее в хуланский плащ и встал. – Пошли, вроде телега на улице скрипит. Пора на развод.

– Я, пожалуй, с вами, – вздохнул Эшуд. – С атори все уже закончено, а про разговор с Крохой Ляссеном надо Старому доложить, это важно.

3

Полицмейстер Иштемшира, господин Арно Галашше, очень быстро понял, что не прогадал, забрав из приюта черномазого Эшуда Нетоле. С никейцами, правда, у него не сложилось, попытки общения с «земляками» неизбежно кончались ссорой – те не признавали Эшуда своим, пока он не сделает чего-либо для общины. Ну, к примеру, не предупредит южан о готовящейся облаве. Нетоле на такие предложения отвечал ударами ножен, так как очень быстро стал настоящим «грачом» и в друзьях на стороне не нуждался.

Зато парень оказался весьма неглуп и, более того, гибок умом. Это Галашше особенно ценил в своих подчиненных: мало быть сноровистым сыщиком, мало знать законы и уметь предъявить Совету Святых Отцов доказательства. В конце концов, не в том, чтобы отправить на виселицу каждого убийцу и на галеры каждого вора, состоит задача Полицейского управления. Надо поддерживать в городе порядок, а это куда как сложнее. Порой нет ни одной улики против законопослушного горожанина, однако именно он мешает этот самый порядок обеспечить... Значит, улики следует создать и отправить мерзавца на виселицу, а если Святые Отцы осудят его не совсем за те преступления, в которых он действительно виноват, то Небо разберется. Главное – не покарать невиновных, такой поступок действительно отяготит душу и отправит ее напрямик в Ад.

Эшуд Нетоле быстро усвоил эту науку. Еще когда полицмейстер устроил сиротам-новобранцам проверку и два месяца гонял их по предместьям за Четвертой стеной, требуя выловить всех нищих, «самый черный грач» первым догадался начать с содержателей незаконных ночлежек. Ну и что, что никаких доказательств вины этих людей не было? Всем ведь было ясно, кто дает приют горным чегишам за ворованные грошики. Стоит приставить к горлу такого деятеля кончик сабли да хорошенько прикрикнуть, а лучше еще попинать на его глазах семейство, как тот сразу подскажет, где вход в подземную пещерку, а где – запасной выход. Хромой Клэс Леппе чурался таких методов, предпочитая действовать по закону, а вот Эшуд – нет.

– Ты славный малый, – сказал Галашше, через год вручая Нетоле сержантскую кокарду.

Впрочем, Леппе свою тоже получил. Злой парень и крепкий, несмотря на заработанную в драке с сошьями хромоту. Крепкий, но... не гибкий. Таких у Галашше было довольно в бригаде, а вот довериться полностью, не опасаясь доклада Отцам, полицмейстер мог лишь лейтенанту Рошке, улыбчивому толстяку удивительной силы. Именно он сегодня дежурил по Управлению.

– Ну что, лейтенант, наворочали мы вчера дел? – спросил Галашше, когда Рошке вошел в его кабинет и прикрыл за собой дверь. – Что там слышно в городе?

– Да ничего не слышно. – Рошке по-свойски присел на стул. – Небесники прошли, вот и все события. Я послал двоих людей следить за Вешшером и Мачеле, так вот: Вешшер с самого утра торчит у своего приятеля-аристократа, Больше ничего не известно.

– Дерьмо какое! – вздохнул Галашше и достал из буфета бутылочку вина. – Тебе не наливаю, ты на дежурстве.

– Само собой, господин Галашше.

– Ненавижу, когда ничего не известно.

Ночью по личному указанию полицмейстера были арестованы пять торговцев, все – члены Грохенской гильдии, недавно обосновавшиеся в Иштемшире. Руководитель этой странной общины, Вешшер, задержан не был, на это Галашше не решился. Уж слишком много у того телохранителей, не меньше сотни, да крепкий дом. Пришлось бы ночью подтягивать в Старый город всю бригаду, вмешались бы и Магистрат, и Отцы. Что им сказать? Что

господин Вешшер весьма подозрителен полиции? А чем, собственно? В основном тем, что уже три года теснит с рынка чегишаев, это действительно странно. Больше сказать нечего.

– Армию свою Вешшер тоже забрал?

– Ага, стражники по распоряжению своего начальства пропустили всех в Старый город.

Дом господина Мачеле находился именно там, за Второй стеной. Хороший, очень старый дом для хорошей, очень старой семьи, единственным членом которой остался сам Мачеле, хотя вырос где-то в Вельшее, на земле. Соответственно, нечего было и думать пытаться добраться до аристократа – проход в Старый город большой группы «грачей» вызвал бы подозрение начальника корпуса городской стражи, и опять: Магистрат, Отцы. Зачем, куда? Это с Вешшером у них у всех какие-то делишки, а не с Галашше. Иштемшир – вольный город, разве не так? Каждый может здесь торговать, каждый может получить дом в законное наследство и жить на доходы с землевладений. Что не запрещено, то разрешено.

– Метессе с ними работал в певческой?

– Что?.. С задержанными? А, ты же его не видел сегодня. – Галашше опрокинул в себя вино, с тоской уставился в окно. На площади Шале подметали мусор, оставшийся после торжественного прохождения колонны ордынцев. – Рошке, арестовать пять иноземцев это одно, может, у меня ложный донос на них был. А вот подвесить на дыбу и отдать Быку – это уже совсем другое... Я с ними сам поговорил немного, сделал ряд прозрачных намеков. Молчат.

– Клялись Небом?

– Клялись.

– Так я и думал. – Рошке хотел было сплюнуть, но вспомнил, где находится. – Эти мерзавцы – сектанты, я уверен. Придумали себе другое Небо, накорябали другие Книги. Для них наши клятвы пустой звук! А в Грохене этих сектантов как грязи, очень уж много ихнему князю Отцы позволяют.

– «Сточная канава греха!» – передразнил Галашше, согласно кивая. – Да, рассказывают чудеса. Я тоже думаю, что этот город заслуживает разрушения. Но Отцам виднее, мудрость их велика... Займемся нашими проблемами. Я уверен, что уже сегодня Магистрат будет все знать о задержании. А может быть, и Святые Отцы тоже. Как господин Вешшер преподнесет им арест своих поделщиков – понятно.

– Да уж! Но тогда нам придется их отпустить, так что ли?

– Денька три я потяну. Держу всех пятерых отдельно, может, кто из них передумает... Но ведь не может такого быть, Рошке, чтобы честные торговцы могли за несколько лет половину городского рынка под себя подмять! А сколько домов куплено, гостиниц, сколько ферм в Вельшее к ним перешло! Не может такого быть?

– Да, конечно, они жулики! – горячо поддержал Рошке. – Виданное ли дело: чегишаев переторговать!

Именно чегишаи, точнее, Чегишайский торговый союз обратился к Галашше с жалобой на пришельцев с юго-запада. Тоже дело прежде невиданное, чегишаи свои дела от полиции предпочитают прятать. И у них много грешков: недоплата таможенных пошлин, контрабанда, торговля людьми. Но то дело обычное, за века Иштемшир к этому привык. На том и стоит. Другое дело – таинственная Грохенская гильдия, в короткий срок заполнившая город лавочками с дешевым товаром. Одни цены на ткани чего стоят! Впрочем, вытесняя с рынка чегишайских перекупщиков, грохенцы сразу начинали приподнимать цену – хоть в чем-то вели себя как нормальные люди.

– При чем здесь мы? – надменно спросил Галашше у явившихся к нему как-то вечером чегишайских старейшин. – Если обидели вас – подавайте жалобу.

Седые носатые чегишаи несколько минут вздыхали да переглядывались, бормотали всякую чушь, пока наконец один из них не начал говорить по существу:

– Сами понимаете, господин полицмейстер, торговля – дело тонкое... Со многими приходится договариваться. Нашим традициям сотни лет, а эти, пришлые, только появились! Откуда в Грохене вдруг научились торговать?

– Вам виднее. – Полицмейстер начал набивать трубку, указывая, что разговор его заинтересовал.

– Мы и пошли посмотреть! Так этот Вешшер их в Грохене – большой человек был прежде, с князем обедал... Зачем приехал? Плохо ему жилось там? Землевладелец, одной челяди сотня. И все такая челядь, что поперек себя шире... Каждого хоть сейчас в императорскую гвардию! Товар, ткани да лес, кожа да деготь, пенька да соль – а соль у них плохая! – берется неизвестно откуда. Наши караваны из Никеи идут, кое-что с гор, от сородичей дальних, а где Вешшер товар берет? Всем заправляет он, остальные купцы только от него записочки и получают: какую цену ставить, какой товар на складе придержать. Разорение нам выходит, господин полицмейстер!

– И отчего же ты думаешь, старик, что мне это интересно? – Галашше пыхнул дымом. Церемониться с чегишаими чистокровный вельшей никогда не станет.

– Так ведь не к добру это! – Чегишаи обернулся к остальным старейшинам, и те согласно закивали. – Для города не к добру, да хранит Небо его стены! Ведь эти грохенцы, они... Караваны можно отследить только до Грохена этого, клоаки небопротивной, откуда они идут к нам. Дальше не получается. Носильщиков в два раза больше, чем нужно, идут удивительно быстро. И каждый – с оружием!

– Каждый? – Галашше опять окутался дымом.

– Как солдат! У каждого шлем и доспех, меч и кинжал, а по чести сказать, и арбалетов немало имеется. Штука дорогая, и носить ее простому люду запрещено...

– Грохенские дружинники пускай за этим следят.

– Да, но... в Иштемшир, конечно, они так не идут, половина носильщиков возвращается назад, уносит оружие. По пути они арбалеты в суммах прячут, но имеют дозоры, которые скрытно идут впереди каравана.

– Так... Но откуда вы знаете, что оружие у них все же есть?

– Мы попросили... – старейшина снова оглянулся на своих, – попросили некоторых людей проверить.

– Заплатили каким-нибудь хуланам, чтобы они напали на караван, – уточнил Галашше. – И значит, ничего не вышло... Что ж, мне вас обвинить не в чем, раз это случилось за стенами города. Надеюсь, никто не стал душегубом? Особенно арбалет опасная штука, чуть не так повел – и убил. Однако не в чем мне обвинить и грохенцев, если они не вносят в Иштемшир оружие. Что же до ваших торговых дел, то я не могу требовать арестов только на основании того, что у них товар дешевле вашего.

– Так-то оно так, да только мы хотели обратить ваше внимание, господин полицмейстер. Неладно что-то... Очень грохенцы с господами из Магистрата дружат, Мачеле Вешшера почти со всеми познакомил. А кто этот Мачеле? В город пятнадцать лет назад переехал, раньше о нем и не слыхали.

– Вельшейский землевладелец, – пожал плечами Галашше. – У вас все? Ладно, обещая присмотреться, но уж и вы, если еще что интересное узнаете...

– Непременно к вам, – закивали чегишаи. – Не может быть, чтобы вы не справились. Наша полиция, как всем известно...

– Шагайте.

На том разговор и кончился, однако с тех самых пор чегишаи регулярно присылали полицмейстеру донесения. Они скрупулезно перечисляли новые приобретения Грохенской

гильдии – преимущественно недвижимость – и фамилии членов Магистрата (а также их родственников), завязавших тесные отношения с пришельцами. Последнее Галашше не слишком нравилось – негоже чегишам следить за вельшеями, но списки не могли не впечатлить. Мачеле и особенно Вешшер, похоже, становились самыми популярными личностями в Иштемшире, кроме разве что бургомистра. Щедро сыпались пожертвования в городскую казну, начальник корпуса городской стражи только на них в последние годы и проводил укрепление стен.

Галашше почуял недоброе. Слишком быстро – несколько лет, и в городе появилась новая сила. Почему так много грохеицев перебралось сюда? У приличных людей не принято менять место жительства. Он попробовал осторожно разузнать кое-что о Грохенской гильдии по своим каналам, но больших успехов не достиг. Ясно было только, что в самом Грохене, похоже, приятели Вешшера имеют веса больше, чем даже князь. Бургомистр от новых знакомых и особенно от новых доходов был просто в восторге, построил себе новый дом на побережье – говорить с этим жадным и глупым стариком не имело смысла, Магистрат представлял собой сборище таких же стариков, только еще более жадных и глупых, морская дружина и городская стража были им полностью подчинены. Галашше понял, что борьбу придется вести в одиночку, – но хватит ли сил?

Кое-какие союзники, впрочем, имелись: те же чегишай и даже, возможно, хулань, получившие немало ран во время попыток получить с торговцев «комиссию». Хуланские семьи не забывали обид, но и с полицией традиционно никаких дел не имели. Сломать эту традицию было нелегко... Однако в любом случае ни те ни другие не располагали настоящей силой.

Сила имелась на севере, за Междуморем. Нынешний император, Кемпетай, конечно, не станет интересоваться странными событиями на задворках своей державы, да еще в каком-то «вольном городе». Но в последнее время в Кенчипьяше весьма выросла фигура барона Зеккуне; этим начальником Секретной канцелярии, похоже, за морем уже начали пугать детей. Барон приходился сыном бедному вельшею, совершившему что-то настолько позорное, что пришлось отправиться на север якобы искать славы и богатства. Как ни странно, его сын получил и то и другое. К кому, как не к земляку, обратиться за помощью? Но полицмейстер просто не знал, как к этому делу подступиться, уж больно крут барон, если верить редким гостям из империи.

– Может, напишете Зеккуне, господин Галашше? – словно прочел мысли полицмейстера лейтенант. – Прямо все как есть, начистоту. В конце концов это его прямая обязанность разбираться с такими вещами... Пусть пришлет кого-нибудь, облеченного, так сказать, властью. Тогда на нашей стороне будет и гвардия, в случае чего.

– А если этот человек разберется и выяснит, что мы побеспокоили барона совершенно зря? Ты понимаешь, что для нас это может означать дорогу на север в клетке? В Кенчипьяше много темниц, они уж сами не помнят, кто там за что сидит... – Полицмейстер вздохнул и поскреб макушку. – Я уж не говорю о том, что барон может переадресовать мое послание бургомистру. Знаешь ведь, как это бывает...

– Значит, зря мы взяли тех купчиков? Отпустим?

– Нет, не зря. Во-первых, это намек Вешшеру: ты в городе не хозяин. Пусть поостережется.

Галашше задумался: ну что за глупость он сказал? Вешшер воспримет этот намек как объявление войны, уж проще было сразу напасть па его кортеж двумя сотнями «грачей». Полицмейстер подкрутил свои знаменитые рыжие усы и налил себе еще стаканчик. Рошке терпеливо ждал.

– Во-вторых, я все-таки надеюсь, что торгошай заговорят. Хоть один. За сутки они немного поуменьили, в темноте да на одной воде сидючи, а ночью я им просто покажу Быка со

всеми его причиндалами. И как он работает, тоже покажу, есть тут парочка хуланов. Надеюсь, заговорят... Не сегодня, так через пару дней.

– А если не заговорят? – осмелился спросить лейтенант.

– Отпущу. Потом, может, еще разок арестую... Магистрат, как бы Вешшер с ним ни целовался, не рискнет двинуть против меня стражу и моряков. Все же на Морской стене гвардия, наведут порядок, если что. Я полицмейстер, арестовывать меня довольно странно.

– Тогда поплывем на север в одной клетке с бургомистром, вот и все, – нахмурился Рошке. – Я все же стою за активные действия. Вешшер и Мачеле – две проблемы, которые решаются двумя ударами. Переломать кости, и пусть убираются.

– У меня нет достаточно надежных людей. «Грачи» будут драться против всего мира, но не против Неба. Решат, что я задумал убийство... Да я и сам не уверен, что эта парочка достаточно виновна! – опомнился Галашше. – Рошке, ты слишком легкомыслен. Убийство невинного – верная дорога в Ад, а перестараться очень легко. Уж ты поверь моему опыту.

– Мне кажется, они и смерть заслужили, – потупился толстый лейтенант. – Сектанты.

– «Кажется!» – передразнил его Галашше. – Вот, кстати, еще проблема: Отцы до сих пор ничего не ответили на мое послание. А ты говоришь: барону Зеккуне написать...

– Так я ведь за этим и пришел! – встрепенулся Рошке. – По поводу письма в Кенчипьяш! Доверять его обычным гонцам, пусть даже имперским, нельзя, от Вешшера можно ожидать чего угодно. Может, он сам душегуб. Я подумал, что если дело зашло так далеко, то я мог бы отвезти письмо сам. Если удастся поговорить с бароном, то смогу дополнить на словах, ответить на его вопросы, понимаете? И не перешлет он тогда письмо бургомистру, поймет, что дело серьезное.

– Эвон, с бароном Зеккуне говорить собрался! – крикнул Галашше и опять потянулся к бутылке. – Моли Небо, чтобы к какому-нибудь заместителю тебя пустили. Впрочем, если ты действительно готов... Я подумаю.

– Тогда я пойду, – поднялся Рошке. – Скоро развод. Кстати, Эшуд присылал весточку, говорит, убил атори в Хуланах! Я передал стражникам, чтобы прислали телегу, но они и так уже знали. Не понимаю, зачем он мне сообщал.

– Как – зачем? Чтобы готовили цветы герою! – хмыкнул полицмейстер. – Хотя убить атори не шутка, так что он, конечно, молодец. Может, его послать с письмом на север?

Рошке замешкался у дверей, что-то быстро соображая, потом потряс головой:

– Нет! Он же черномазый – кто его там станет слушать? Кроме того, всего лишь сержант.

– Верно. Иди.

4

На заднем двореке Управления сталолюдно: сюда стягивались к вечернему разводу четыре сотни «грачей», в городе остались только уличные надзиратели в сторожках. Вокруг курилки собралась целая толпа: полицейские слушали Быка Метессе. Тот рассказывал о ссоре с Джемом возле «Вельшейского странника». Рошке, приняв рапорта старших, немного постоял рядом, прислушиваясь. Дело, впрочем, было совершенно обычным: подданные князя, не подчиняющиеся городским законам, обожали заирать полицейских – за пределами стен, разумеется.

– Я бы пришил его к тому забору, но, сами понимаете, находился при исполнении. И вообще, шутки шутками, а я уверен: за Длинного Джемом Небо не накажет.

– Отцам об этом скажи, – посоветовал кто-то. – Они немедленно прикажут нам его арестовать и повесить, ведь сам Бык уверен!

– Да нет же, я бы его не убил... Просто пришил. Впрочем, это еще успеется...

Рошке по переулку вышел на площадь Шале, взглянул на здание Магистрата. Часы показывали без пяти минут семь, до развода еще оставалось время. Лейтенант высматривая Эшуда, «самого черного грача». Что за новости тот принес Галашке? В последнее время полицмейстер чего-то недоговаривал, Рошке чувствовал это. Бережется, старая лиса.

Поток «грачей», спешивших к Управлению со всех сторон, постепенно мелел. Почти последними появились четверо «сирот», впереди, как всегда, ковылял хромым сержант Леппе. Эшуд ухмылялся так, что сперва в глаза бросались его крупные белые зубы, а уж потом черная рожа.

«Ах да, он же у нас сегодня герой! – вспомнил Рошке. – Победитель демонов...»

Он пошел грачам навстречу:

– Сержант Нетоле! Я рад вас поздравить с очередным подвигом.

– Спасибо, господин лейтенант!

– Но помимо всего прочего... – Рошке сделал шаг в сторону, приглашая Эшуда отойти от друзей, – помимо всего прочего, братец, ты имел некоторое поручение от господина полицмейстера?

– Да, я хотел прямо сейчас с: докладом!

– Поздно, развод начнется с минуты на минуту.

– Задержался, – вздохнул «грач». Сами понимаете, такой случай... Этот атори чуть не убил меня! А потом пришлось охранять тело, иначе хулаы растащили бы его по кусочкам.

– Ладно, я понимаю. Поздравляю тебя еще раз. Но с поручением-то все в порядке?

– Чивоху я не нашел, – понизил голос Эшуд, который знал, как близки полицмейстер и Рошке. – Но там был Кроха, Кроха Ляссен, к нему меня и провели.

– Ляссену запрещено появляться в городе.

– Так он в предместьях, Хулаы – это ведь за Пятой стеной. – Нетоле пожал плечами. – Хотя это теперь не важно. Ляссен обещал помочь. Сперва мы немного поссорились... Ну, понимаете, господин лейтенант, там такая грязь, рыбой воняет, а эта шпана еще норовит за руки хватать, саблю отобрать пытались. И я, конечно, врезал эфесом одному-другому, сам вошел в дом. Вскипел. Крохи не было долго, вокруг эти твари с ножами, а какая-то баба тащит поднос: пиво вонючее и опять рыба. Я по подносу наподдал сапогом, чтобы соображала, что я там делаю, и...

– И что, что Ляссен? – Рошке знал, что часы вот-вот начнут бить, тогда разговор оборвется. – Что он сказал и где Чивоха?

– Кроха согласен помочь, – успел сообщить Эшуд и дернулся, услышав первый удар часов. – Мне надо в строй.

– Идем, идем, – вздохнул Рошке.

В чем Кроха Ляссен должен помочь полицмейстеру? Галашше давно хотел установить временное перемирие с хуланскими семьями, да только они не хотели даже разговаривать об этом. Может быть, Старый обещал отпустить Квашу и Фичу, недавно задержанных воров? Мало вероятно, в отчете Отцам были указаны их имена и прегрешения, теперь их судьбу может определить лишь суд.

«Грачи» уже выстроились, лейтенанты были готовы к докладам. Рошке, немного раздраженно отдавая салют, принял эти доклады, даже не прислушиваясь к словам. За спиной скрипнула дверь: Галашше всегда выходил лишь на минуту.

– Господин полицмейстер! – Рошке начал, еще даже не до конца обернувшись. – Бригада построена! Беспочинно отсутствующих нет, чрезвычайных происшествий не случилось! Списки больных и дежурных...

Галашше не глядя принял листки, пробежался взглядом вдоль строя и ткнул пальцем в дальний конец:

– Нетоле, Леппе, Грае, ко мне, остальные по плану.

– Вольно! Развод окончен!

Рошке остался на месте, надеясь, что Галашше позовет и его, Но дверь за его спиной захлопнулась. Миме пробежали перечисленные «грачи», за ними вяло тащился недотепа Вик Палассе.

– А ты куда?

– Да куда. Так, подожду их. Мы сегодня свободны может, пойдем к кому-нибудь... – протянул Вик, расстроенный своей непричастностью к происходящему.

– В курилке жди. И, кстати, купи себе новую шляпу. Смотреть противно!

Палассе отошел от крыльца, едва не столкнувшись с Быком Метессе. Тот действовал именно «по плану», то есть направлялся в подвал Управления, в «певческую».

– Кого сегодня подвесишь?

– А кого Старый прикажет, того и подвешу, – ухмыльнулся Бык, имевший право на некоторую фамильярность. – Народу, как всегда, хватает. Хуланов, наверное.

– Зачем тебе хуланов? Воровали на рынке, оказали сопротивление при задержании, свидетели есть. С ними и так все ясно: к Святым Отцам на суд и дальше на север.

Тех осужденных, которые не заслуживали виселицы, Иштемшир отсылал за море, в империю Кенчи. Там, на северных рудниках, всегда были нужны руки. А в городе их и деть было бы некуда – для уборки улиц хватало пьяных драчунов да попрошайек.

– Я не знаю. – Бык заинтересовался крышей Управления. – Мое дело маленькое. Только чую, что Старый от этих хуланов еще чего-то хочет... Они ведь на Чивоху показали, сказали, он того чегишая зарезал.

– Да ну? – Это было новостью для Рошке. – Чтобы хуланов на своего показали?

– Пришлось постараться, я аж взопрел тогда кнутом махать. Но господин Галашше так хотел...

– В отчете Отцам этого не было, – припомнил лейтенант.

– Мое дело маленькое.

Бык лениво отдал салют и прошел в Управление. Почесав переносицу, Рошке попытался переварить полученную информацию. Задержанные воры показали на Чивоху, значит, Чивохе Пуговке конец. Из города, конечно, можно убежать, но Отцы есть везде, и везде его будут искать. Убийство не шутка, быть Чивохе Пуговке в Аду. Зачем такой семье хуланов? И душа загублена, и тело вот-вот умрет. Но Галашше не отправил Святым Отцам сведения о Чивохе, а вместо того послал разыскать его Эшуда Нетоле... И Кроха Ляссен, друг и побратим Пуговки, обещал помочь.

«Выторговал Старый помощь за несообщение Отцам... – понял Рошке. – Душа душой, а на виселицу Чивоха не торопится; Убийство даже лишний повод не торопиться; если рассудить, на Небо-то не попасть. Но ведь хуланы в суде повторяют свои показания, разве не так?»

5

Галашше в это время размышлял в своем кабинете, покуривая трубку. Ему было о чем подумать – игра началась по крупной. Один из надзирателей перед самым разводом передал полицмейстеру новое послание от чегишаев: в дом к Мачеле съехались бургомистр с ближайшими родственниками и едва ли не половина членов Магистрата, Сейчас Вешшер жалуется им на Галашше, уговаривает покончить с ним... Возможно, уже завтра Магистрат вынесет постановление о его отставке. Что тогда?

Пятеро купчиков из Грохена должны были заговорить уже этой ночью, больше времени нет. А полицмейстер даже не знал, о чем, собственно, они должны говорить! Хотя... В голове Галашше роились подозрения, страшные подозрения. Он не говорил о них даже Рошке – не потому, что не доверял, а потому, что боялся опозориться.

– Хулань... – проворчал полицмейстер. – Все мои приятели теперь: чегишаи да хулань. Он позвонил в серебряный колокольчик, и в дверь тут же заглянул сержант.

– Голодранцы тут?

– Ждут, господин полицмейстер!

– Запускай.

Леппе, Нетоле и Грамми вошли друг за другом, выстроились у стены. Полицмейстер поскреб щеку; может, стоило поговорить сперва с Эшудом, отдельно? Но расстроенные нервы требовали немедленных действий.

– Нетоле, про атори я уже все знаю, об этом потом. Давай сейчас про Чивоху.

– Я его не застал, но мне устроили встречу с Крохой Ляссеном. Он сказал... – Эшуд наморщил лоб, припоминая все в точности, – он сказал, что очень благодарен господину Галашше за доверие. Сказал, что Чивоха не убивал чегишай, что его оговорили. Я спросил, что за люди Кваша и Фича, Ляссен сразу ответил: на них кровь. Вообще, господин Галашше, там у них страшно, у хуланов... Сплошь убийцы!

– Ну, мне ты про это не рассказывай. Да и не переживай: не твоей душе в Ад лететь. Значит, Ляссен подтвердил виновность Кваша и этого...

– Фичи. Да, подтвердил, сдал их с потрохами. На них семья никейцев в зареченских предместьях, три года назад, а потом еще Кваша убил стражника, когда его поймали на стене. Помните, один сорвался? Так его Кваша толкнул.

– Так оно и бывает всегда, – кивнул полицмейстер. – Душа убийцы уже, считай, в Аду, значит, хуже он себе не сделает. Поэтому, если не повесить человека за первого мертвеца, он обязательно убьет еще раз, и так до тех пор, пока все-таки не встретится с виселицей. Что ж, это хорошо...

– Разве Кроха придет к нам давать показания? Ему запрещено входить в город, – напомнил Леппе.

– Не нужно никаких показаний, Бык сам достанет из Кваша и Фичи признания. Главное – знать, что кровь на них.

Галашше сделал паузу, рассматривая лица «грачей». Нетоле чуть кивнул – он полностью согласен, а вот Леппе немного обескуражен. Не понимает еще, к чему дело клонится... Зато Шели Грамми абсолютно спокоен, этот вообще мало думает о высоких принципах.

Полицмейстер открыл буфет и достал четыре стакана – пора поговорить о главном. Сперва он хотел послать на юг только Леппе и Грамми, но уж слишком прямолинеен хромой сержант. Надо усилить эту парочку Нетоле, все же он самый понятливый, а в Иштемшире партия, похоже, уже проиграна. Если не заговорят грохенцы.

– Пейте. – Галашше наполнил стаканы. – Повод хороший: сержант Нетоле в одиночку прикончил атори. Пейте и садитесь.

Сержанты приблизились к столу, разобрали стаканы. Нетоле и Леппе выпили залпом, а Грамми только отхлебнул, первым присев на боковой стул со стаканом в руке.

– Решил я вас, парни, откомандировать... Давно подумывал, а сегодня на тебе, атори почти в городе! Такого несколько лет не случалось. Ловкие твари, а? Раздобыл одежду, оружие, даже принял женское обличье...

– Он пришел из Грохена, – поспешил сообщить Эшуд. – На нем грохенское платье было.

– Нет, не оттуда, – покачал головой полицмейстер. – Чегитайский караван жаловался на пропажу одной женщины, это наверняка ее одежда. Случилось это к югу отсюда. Потом демон продолжил путь и, наверное, заметил, что вокруг все одеты иначе, что на него оглядываются. Да и с обличьем не угадал – он ведь был похож на хуланку, верно? А одет как грохенка. Разобрался и убил еще одного человека, чтобы добыть одежду. Дальше ему не повезло, а то мог бы и за стену пройти.

– Как тот, которого крестьяне заметили, – сказал Леппе.

Несколько лет назад вельшей, тащившие на рынок свои телеги, заметили незнакомца. Ему посоветовали не тереться возле товара, а он не понял. Тогда крестьяне взялись за вилы, и вышло так, что незнакомец этими же вилами трех крестьян заколол насмерть. Потом бросился назад, к мосту отца Невода, но по нему как раз проходил взвод сменившейся стражи. Тогда атори с необычайной скоростью побежал в другую сторону, разбрасывая всех вставших у него на пути. Ворота в Третьей стене успели закрыть, но демон ворвался в башню, убил еще нескольких стражников. В конце концов атори выкурили оттуда дымом и истыкали стрелами.

– Да, как тот. А вообще... странно они себя ведут, эти посланцы Ада. Как ты думаешь, Грамми?

– Думаю, Святым Отцам виднее, – тут же ответил сержант.

– Это само собой. Но нет ли у тебя вопросов к Отцам? Атори поднимаются из Ада, принимают человеческий облик и идут во все стороны. Некоторые из них убивают всех, кого встречают, а другие пытаются спрятаться... Сотни лет. Неужели не странно? Почему к нам не вторглась целая армия этих воинов?

– Не знаю, – пожал плечами Шели. – Да, действительно любопытно. Но ведь большинство демонов истребляет Орден Неба. Там, в Ларране, лучше всего знают, что это за твари.

Грамми смотрел прямо в глаза Галашше, и тот усмехнулся в ответ. Надо же, проглядел парня! А тот, видимо, и не спешил лезть на глаза.

– В Ларране, верно, – повторил полицмейстер. – Ведь Ларран – это уже почти Вессен, леса начинаются от самого города... Я там был когда-то, лет тридцать назад. Жутковатое место, земля кровью пропитана. Там идет война с посланцами Ада каждый день. Война, о которой мы вспоминаем, только когда через город проходят небесники или атори-одиночка дойдет до самых стен. Вот туда я и хочу вас откомандировать. Не испугаетесь?

– Никак нет! – рявкнули Нетоле и Леппе, а Грамми покачал головой и добавил:

– Это было бы очень интересно и поучительно для нас.

Галашше едва не фыркнул и, смутившись, полез в ящик стола за трубкой. Нервы, проклятые нервы... «Прикажет завтра Магистрат убираться из Управления или не посмеет? Как ни крути, а готовиться надо к худшему». Эта мысль странным образом успокоила полицмейстера, он откинулся на спинку кресла.

– Пойдете в ночь, только сперва встретитесь с одним человеком. Он даст вам указания, к кому обратиться в случае чего за помощью, ну и так далее. В частности, ответит на ваши вопросы. Его зовут отец Пладде.

– Отец? – удивился Леппе. – Мы пойдем к ним в Совет?

– Нет, встреча произойдет в доме, принадлежащем одному чегишайскому купцу. – Галашше, чуть помедлив, вручил Леппе листок с адресом. – Это недалеко отсюда, в Монете. Встреча секретна, никаких имен не называйте. Это ясно?

– Ясно.

– Ну вот... Конечно, вы всем известны в Иштемшире и все же переодевайтесь. С этой минуты вы в отпуске для поправки здоровья, так что в форме дойдете только до казармы. В Управлении больше не показывайтесь, из Монеты сразу за город, и не через Заречье, а за Четвертую стену. По мосту Трех Дев доберетесь до Шеймского озера, ну а дальше знаете.

Сержанты переглянулись.

– Что такое?

– Да нам не во что переодеваться, – смущенно признался Леппе. – Форма есть, и все...

Галашше удрученно покачал головой. Ну конечно, зачем им другая одежда? В кабак идешь или на прогулку с дамой – лучше черной формы «грачей» ничего не придумаешь. Все трое холостяки, живут в казарме... Полицмейстер вынул из ящика стола мешочек с деньгами, которые, вообще-то говоря, предназначались лишь на дорожные расходы.

– Вот, прикупите себе что-нибудь, ну и в пути питайтесь. Только без роскоши! На рынок не ходите, там, в Монете, есть много дешевых лавочек. – Галашше прикусил язык, чтобы не сказать «грохенских». – Встреча у вас в десять, так что поторопитесь. От себя могу сказать только одно: на юг отправляетесь изучить ситуацию с атори, в связи с последней историей... мы должны больше о них знать. Запоминайте все, лишней информации не бывает. Но официально вы в отпуске, про себя не болтайте. Просто три приятеля в поисках приключений, острых ощущений... Ну, сами понимаете. Правда, посещать Дом встреч вы не обязаны.

– А почему тайком? – мягко поинтересовался Шели Грамми. – Почему мы не можем поехать в форме как полицейские Иштемшира? Повод есть.

– Потому что нельзя! – прихлопнул ладонью по столу Галашше. – Есть у меня подозрение, что при таком раскладе я вас больше никогда не увижу. И имеются некоторые дела, о которых вам знать не следует. Вот еще что... – неожиданно решился полицмейстер. – Может так случиться, что Магистрат отстранит меня от выполнения обязанностей. Значит, зараза проникла слишком глубоко. Но это не будет означать конец игры, парни, наоборот, это будет означать только, что я скоро вернусь. Так что отправляйтесь за лейтенантскими кокардами.

Сержанты снова переглянулись. Леппе привстал было, собираясь поскорее двинуться навстречу новому чину, но тут же сел, заметив, что никто больше не пошевелился. Нетопле даже положил руку приятелю на колено.

– Господин Галашше, а может быть, нам тогда остаться? Потом на юг сходим, когда все устроится.

– Вот чтобы все устроилось, вам и надо побыстрее посетить Ларран и вернуться. – Галашше не был настроен посвящать троицу в подробности. В конце концов, через полтора часа они встретятся с отцом. – Так что не задерживайтесь. Еще вопросы есть?

– Где нам вас искать, если Магистрат... – Грамми предпочел не договаривать.

– Что ты, дома моего не знаешь? – хмыкнул полицмейстер и потянул себя за ус. – Впрочем... Наверное, в Вельшее, за стенами. Не думаю, чтобы это было трудно, сержант, отыскать меня. Главное, помните: задание вам даю я, Галашше, а не тот, кто усядется в это кресло.

– Конечно!

Теперь Леппе все же вскочил, и друзья поднялись вслед за ним. Галашше тоже встал, удовлетворенно вздохнул. Нет, «сироты» не должны подвести. Они не видели прежнего полицмейстера, для них Галашше – символ Управления, хозяин и благодетель, куда более важный человек, чем жадный старичок бургомистр.

– В самом крайнем случае, Нетоле, ты знаешь, к кому обратиться за помощью.

Сержант только блеснул глазами. Конечно, он знал: Чивоха Пуговка да Кроха Ляс-сен. Хуланы, убийцы, пропащие души. Леппе это могло бы заставить призадуматься, но не Эшуда.

– Тогда все, проваливайте, у меня куча дел.

– Еще один вопрос! – Шели поднял руку с пустым стаканом. – Позвольте взять с собой Вика. Вика Палассе.

– Это еще почему? – нахмурился полицмейстер.

– Лишний человек не помешает, а ему можно доверять. Он ведь один из нас, из при-ютских...

– Да, его стоит взять, – поддержал Эшуд.

Леппе так свирепо уставился на Нетоле, что Галашше, собиравшийся было отчитать «грачей» за разговорчивость, передумал. В конце концов главные надежды он возлагал именно на чернокожего.

– Хорошо. Но денег у вас от этого не прибавится. А теперь проваливайте наконец, увидимся, когда вернетесь.

6

Полицмейстер спустился в подвал, приказав через сержанта лейтенанту Рошке зайти в его кабинет ближе к полуночи. Бык Метессе, согласно отданным через посыльного распоряжениям, уже приковал пятерых грохенцев к железным кольцам в стене «певческой».

– Ну что, господа торгаши? Есть ли жалобы? – Полицмейстер прошел в угол, где стоял его личный табурет, еще один символ Управления. – Как кормили?

– Шутить изволите? – чуть дрожащим голосом отозвался высокий тощий грохенец. – Водичка мочой отдавала, да спать стоя в каменном мешке неудобно – колени болят. А так ничего, спасибо за гостеприимство.

– Я рад, что вам понравилось. Бык, подвешивай хуланов, пара вопросов к ним есть.

Пока Метессе заводил в подвал истерзанных воров и подвешивал их за руки к станку, грохенцы выжидающе смотрели на полицмейстера, но Галашше сидел молча, сложив руки на груди.

– Мы хотели бы послать весточку нашим друзьям, – наконец осмелился сказать один. – И получить ответ. Мы ведь имеем на это право, не так ли?

– Потом, – буркнул Галашше.

Подвешенные хуланов тут же начали визгливо жаловаться, оба были заспанные, обескураженные.

– Мы же все сказали, начальник! – выл Кваша. – За что?

– В суд нас положено! – поддержал Фича. – Мы разве против? Мы чтобы все по закону!

– И я хочу, чтобы все по закону, – кивнул Галашше. – Давайте, ребята, сознавайтесь быстренько в убийстве, сержант запишет, мы подтвердим – и пойдете досыпать.

Крики хуланов словно обрезало. Покачиваясь на блоках, они расширившимися от ужаса глазами смотрели на Галашше.

– Не губи, начальник, – выдавил наконец Кваша. – Не виноваты мы.

– Виноваты. Чатте, что мы имеем право к ним применить по подозрению в убийстве?

– Сухой кнут до двухсот, мокрый кнут до ста ударов, пальцеломку, – отбарабанил сержант, точивший перо за столиком. – Если, конечно, есть документированное показание.

– Есть такое показание, – спокойно соврал Галашше, в упор глядя на Чатте. – У меня в кабинете.

– Есть так есть, – кивнул сержант.

Чатте обязательно доложит Святым Отцам о странном поведении Галашше – никто не хочет брать грех на душу. Душа важнее тела, лучше умереть безгрешным, и отправиться на Небо, чем попасть под Небесный Суд или, того пуще, угодить в Ад. Это ясно и детям, вот только хуланов часто ведут себя удивительно непрактично: меняют вечное блаженство на земное богатство и вечные же подземные муки. Впрочем, и среди хуланов таких дурней немного.

Галашше доноса не боялся: Бык сейчас вынет из парочки признание и тогда никаких «документированных свидетельств» уже не понадобится. Только дурак может удивляться: неужто оговорили сами себя на виселицу? Уж лучше под кнутом умереть! Нет, не лучше, если кнут в руках у Быка Метессе. Виселица оттого и освящена Отцами, что убивает безболезненно.

«Только бы не начали опять говорить о Пуговке!» – спохватился Галашше и, как и в прошлый раз, удалил Чатте.

– Поскольку заявления пока нет, иди к себе. Я позову, если понадобишься.

– Как прикажете! – Чатте аккуратно сложил заточенные перья и покинул «певческую», едва ли не насвистывая: меньше знаешь – лучше спишь и на душе грехов не копится.

– Бык, ты готов?

– Готов.

Метессе был немного смущен. Хоть он и любил свою работу, а тоже помнил о душе.

– Правда есть свидетельство, господин Галашше?

– Что я, врать тебе стану? Есть. Более того, я знаю, что они убийцы. Или ты думаешь, я грешить собрался?

– Если душегубы – другое дело! – Метессе выбрал один из кнутов и для пробы хлестнул по ребрам ближнего хулана. – Эх, Кваша, не люблю я пальцеломок!

– Не виноват! – задергался хулан, как только смог говорить. – Не виноват я! Крал, обманывал, но не убивал!

– Начни лучше с Фичи, – посоветовал полицеймейстер.

Второй хулан висел молча, прикрыв глаза, – Галашше сразу узнавал сломленного человека. Этот мысленно уже на виселице. «Постой, да ведь я хотел грохенцам представление устроить!» Галашше едва не хлопнул себя по лбу, но вспомнил, что будет для купчиков еще одна, весьма впечатляющая деталь.

Фича держался недолго – постонал немного под кнутом, будто пробуждаясь, да и начал говорить. Полицеймейстер пересел за стол Чатте и аккуратно все записал: для подтверждения признаний достаточно и двух полицейских, его и Метессе. Кваша ругался, перебивал, пытался даже пнуть друга ногой, но Фича его будто не слышал.

– Ну что ты так себя ведешь? – Бык полоснул Квашу мокрым кнутом и, переждав визг, продолжил: – Теперь и я твердо знаю, что ты убийца. Нетто думаешь, живым отпущу, если не признаешься? Кваша, я и пальцеломкой могу сердце остановить.

– Каты позорные! – взвыл Кваша. – Ох, вернусь я к вам, ох вернусь! Демоном из Ада поднимусь, кишки ваши выжру! Будут вам атори сниться всю оставшуюся жизнь!

– Признание! – Галашше говорил, обращаясь не к хулану, а к Быку. Все складывалось наилучшим образом. – Давай быстрее, и рано домой отправишься.

– Вот оно что! – просиял Метессе. – Тогда я живо!

Сержант жил в Ветеранах, за Третьей стеной, и всегда был рад, если удавалось уйти со службы пораньше. Жена, двое детишек, родители, хозяйство. Галашше этого никогда не понимал: для него семья была скорее помехой, скучной, но необходимой для общественного положения.

Кваша продержался двенадцать ударов, из лопнувшей кожи успела натечь целая лужа крови. Наконец Бык исхитрился самым кончиком кнута выбить хулану левый глаз, и вор сдался. Галашше записал его признания, заверил сам и отдал перо Метессе, успевшему сполоснуть в тазике руки.

– Чатте позвать?

– Нет, Бык, давай быстрее закончим. Подозреваемые ведь Небо хулили, помнишь?

Метессе округлил глаза. Хуление Неба было для «певческой» делом обычным, внимания на него обычно не обращали.

– Кодекс открыть? – Галашше положил руку на толстый том. – Опускай их.

Неподвижный Фича и плачущий кровавыми слезами Кваша не слышали их разговора, иначе, конечно, взвыли бы на весь квартал. Были среди особо заядлых преступников настоящие хулители, изрыгавшие проклятия и по дороге в Суд, к Святым Отцам, и даже на эшафоте. Оно и понятно: что им терять? На тот случай была оговорена в Кодексе такая мера, как вырывание языка. Метессе помнил, что полицеймейстер имеет право отдать такой приказ, так что спорить не стал, только подумал про себя, что надо зайти к Отцам посоветоваться. Странно ведет себя нынче Галашше, как бы не согрешить. Да и непонятно, за что схвачены эти грохенцы...

Галашше не собирался испытывать преданность Быка, поэтому сам взял специальные щипцы в руки:

– Держи голову!

Первым был Кваша, он понял, что происходит, только когда хитрый инструмент разжал ему зубы. Маленькие, удобные тиски, между которыми ходят собственно клещи, – очень удобно и быстро. Кваша захрипел, ударил ногой по бедру полицмейстера, но тот не обратил на это внимания, не до синяков.

– Прижигай.

Бык, запрокинув голову Кваши, плеснул ему в глотку сока чернопевки, теперь кровью не истечет, Откинув в сторону кусочек красного мяса, Галашше перешел к Фиче, а сам не удержался и скосил глаза на грохенцев. Побледнели, голубчики!

– Ну, быстрее давай! Этому тоже?..

– Давай!

Метессе обхватил ручищами голову Фичи. Хулан оглушительно закричал, раскрыв рот, но скорее от ужаса, чем протестуя. Так Галашше было даже удобнее, он быстро зацепил и рванул, сразу отшвырнув в сторону клещи. В сторону, но поближе к купчишкам.

Теперь хулань ничего не смогут рассказать о Чивохе, разве что, против ожидания, кто-то из них окажется грамотным. Но это полицмейстера не волновало, он и так сделал все что мог, Пуговка будет доволен. Хулань помнят добро... Как вовремя удалось с ними договориться!

– Все, что ли? – Бык переживал: второй-то хулан не ругал Небо!

– Все, иди и заberi с собой эту парочку. Скажи Чатте, чтобы зашел через полчаса, увел остальных арестованных и разобрал бумаги.

Галашше, отвернувшись от купцов, задумался: «А и в самом деле, не выйдет ли так, что придется бежать из города? Пока ты полицмейстер, можно не опасаться некоторых превышений полномочий. Но если Магистрат отстранит от должности – всплывут все старые грешки. Как бы самому в „певческой“ не оказаться. Что ж, поместье, пусть и скромное, имеется, с князем Вельшеи отношения неплохие. Можно продержаться, если Святые Отцы не потребуют к себе».

– Бык! Вот еще: позови прямо сейчас какого-нибудь «грача» из дежурного наряда.

– Будет исполнено.

Метессе закрыл за собой дверь, в «певческой» стало тихо.

7

– Ну, господа грохенцы, что думаете?

– О чем, господин Галашше? – опять отозвался тот, тощий.

– Вообще, о жизни своей. Не думаете, что однажды и вас вот так, кнутом по ребрам?

А потом и за язык дернут.

Торгаши молчали. А Галашше по-прежнему не знал, о чем, собственно, их спросить. Если его самая простая и самая страшная догадка верна, то ведь и спрашивать незачем... Ему стало жутко и зябко, будто адский холод проник в подвал.

– Откуда дешевый товар берете?

– Привозят с юга, – пожал плечами тощий. – Мы покупаем. Из Никеи, наверное... Я сам-то недавно в торговле.

Он покосился на своего соседа, дюжего угрюмого мужика. Вообще все пятеро как на подбор, рослые. И Вешшер крупный, и Мачеле. Галашше непроизвольно передернул плечами:

– Не знаешь, значит?

– А какое полиции до этого дело? – проворчал сосед тощего. – Обратитесь к Вешшеру, если хотите капитал вложить. Мы законов не нарушали.

– Не нарушали, – эхом повторил полицмейстер. В это он верил. – Но странные вы люди, понимаете? Закон законом, но есть ведь и простое любопытство. Если вы его удовлетворить не хотите, то можно и с кнутом поспрашивать.

– Не имеете права! – выкрикнул тощий, покосившись на лужу крови, натекащую о Кваши. – По закону, по вашему же Кодексу права не имеете!

– Кодекс Святыми Отцами писан, не вами. Для меня, а не для вас.

– Вот Отцам и будем жаловаться!

– Трудно без языка-то жаловаться... – Талашше придавил сапогом раздвоенный кончик языка Кваши. – А после пальцеломки и не напишешь ничего, вот какая штука.

– Я ногой напишу, – пробурчал дюжий.

Бохрос – вспомнил Галашше его фамилию. Видимо, лидер, держится увереннее других, смелее. Вывести его или сразу убрать всех, надавить только на тощего? Подвесить к станку, походить вокруг с кнутом – может, и заговорит? В дверь постучали.

– Прошу прощения за задержку, господин полицмейстер! – Дежурный «грач» показал два конверта. – Там для вас передали из дому...

– Подожди за дверью.

Одно письмо оказалось от чегишаев: они приносили свои неподписанные весточки на дом полицмейстеру, а уж жена пересылала их в Управление. Послание было очень коротким: «Два часа ночи, у ворот в Старый город». Перед самым разводом Галашше решил послать Рошке на север и попросил чегишаев все подготовить. Им это было нетрудно: всего лишь поменять одного из сопровождающих товар на корабле во время плавания, а именами этих сопровождающих никто не интересуется.

«Да, пусть отправляется. Пакет готов, авось барон Зеккуне выслушает лейтенанта».

Галашше собрал немало интересной информации. Она касалась не только неожиданного возвышения странных купцов, не только их удивительной близости с продажным Магистратом. Много еще чего любопытного появилось в Иштемшире за последние годы: новые фасоны одежды, новые карточные игры, кое-какие бытовые усовершенствования... А в Грохене, по слухам, и того больше. Вроде бы безобидно, да все вместе выглядит странным. Святые Отцы не реагируют, но про них особый разговор. Так, может быть, почует угрозу начальник Секретной канцелярии императора Кемпетая?

Куда интереснее было второе письмо. Его прислал тот самый отец Пладде, что согласился поговорить с полицмейстером откровенно. Или почти откровенно... Очень скоро он должен встретиться с «сиротами» в Монете, шумном деловом квартале, – зачем же писать? Наверное, что-то срочное. Галашше разорвал конверт и обнаружил там обрывок оберточной бумаги с цитатой из Книги отца Невода, Книги Войны.

«Бесчинства демонов превышали все вообразимое уму человеческому. Утомившись от грабежей, поджогов и убийств, они взяли оставшихся в живых в рабство и заставили служить себе. Тяготы, выпавшие на долю жителей Ларрана и Южного Соша, неописуемы. Многие были убиты, оттого что не могли больше работать, другие умерли сами от непосильных трудов. Небо, по рассказам, заслуживающим доверия, поливало несчастную землю солеными дождями. Но особенно ужасна оказалась участь женщин, начиная даже от самых юных. Атори, чуждые человеческому естеству, творили над ними такое, что и рука моя отказывается описать. Дней, отведенных Небом для соития, им было мало, адская похоть ненасытна. Вот лишнее подтверждение неспособности Подземного Князя создать настоящего человека: демонам хватало лишь вида женщины, как они немедленно кидались на нее. О том повествовали мне многие».

Галашше дважды перечитал цитату. Зачем отцу Пладде понадобилось ее присылать? Здесь явное указание на еще одно свойство демонов, малоизвестное. Но атори легко отличить от человека по языку: у посланцев Ада он не раздвоен. Как бы далеко ни заходили страшные подозрения Галашше, но и ему приходилось признать: с языками у грохенцев все в порядке. Они не демоны. Да и не владели атори человеческими языками, о том тоже не раз писал отец Невод...

– Чушь какая-то!.. – пробормотал полицмейстер, комкая письмо.

– Господин Галашше! – подал голос Бохрос. – Мы ничего не пили уже несколько часов, я не говорю о еде... Нельзя ли о нас хоть немного позаботиться? Вы и так уже несколько раз нарушили Кодекс.

Галашше медленно повернулся и встретился глазами с наглым взглядом Бохроса.

«Верит, что его вытащат. И не зря верит, Вешшеру это наверняка удастся. Надо бы убрать его от остальных...»

Письмо жгло руку. Отец Пладде чепухи писать не станет; если прислал эту цитату, значит, считает ее нужной именно теперь. Полицмейстер быстро вышел в коридор, где слонялся в ожидании распоряжений дежурный. – Та баба, нищенка, еще у нас?

– Какая баба? – опешил «грач».

– Ну та, как ее... – Галашше схватил его за плечо, потряс. – Вчера привели нищенку. Ей уже выпали плетей или нет?

– Нет, сегодня же небесники проходили. Неудобно было ее по той же дороге выпроваживать, ну и сечь сегодня тоже не стали. Лейтенант Рошке распорядился.

– Где она?

– В пятой, с воришками.

– Очисти какую-нибудь камеру, любую, и туда ее, одну! Быстро! Потом ко мне, в «певческую»!

Каким-то образом Подземному Князю удалось создать почти идеального – внешне, конечно, – человека. Ведь на это намекает отец Пладде? Пахнет небохульством, Совет Святых Отцов не одобрил бы таких предположений. Сказано: у атори нечеловеческий язык, иначе не бывает. Но что, если вдруг... если владыка Ада сумел научить своих слуг говорить? Тогда остается один способ отличить атори от человека: вспороть ему живот и рассмотреть внутренности. Но на это никто не пойдет, ведь ошибка отправит твою душу прямиком в Ад.

Галашше утер пот и обнаружил себя стоящим перед грохенцами. Выглядели они неважно, кроме разве что Бохроса. Если тут есть демон, то это он. Маловато одного полицей-

ского, надо подстраховаться, позвать еще пару... Но что они подумают о страхе полицмейстера перед закованными арестантами? Что скажут утром, когда слух о странных развлечениях Галашше разойдется среди «грачей»? Они решат, что он спятил, и воспримут грядущее решение Магистрата о его отставке как само собой разумеющееся.

– Господин полицмейстер! – Бохрос улыбался. – Время позднее, шли бы вы домой. Ну а нас, наверное, в каменный мешок... Кстати, если кто-нибудь из нас заболеет или, не позволю Небо, умрет, очень расстроен окажется не только господин Вешшер, но и кое-кто еще.

– Пугаешь, мразь? – нахмурился Галашше, но подойти ближе, дать по гадкой роже сапогом не решился.

Постучал дежурный:

– Я ее в седьмую отвел, а хуланов перетащили к ворам.

– Хорошо. Теперь позови Рошке, еще кого-нибудь из наряда и сам возвращайся.

Галашше трясло. Если Бохрос атори, то что ему стоило порвать цепи, с боем вырваться из Управления? Двери, конечно, крепки, но в подвале всего три-четыре человека, а сила демонов известна – ни Бык, ни Рошке не смогли бы с ними справиться. Отнять ключи и освободиться... Но раз уж завтра его выгонят – теперь Галашше был в этом почти уверен, – то что терять?

Бохрос еще что-то говорил, но полицмейстер его не слушал, перечитывая послание отца Пладде. Эх, не может он прийти сам, этот полубезумный старик. Или просто безумный? Такой же, каким стал от бессонных ночей сам Галашше?

– Господин полицмейстер! – в «певческую» вошел Рошке, скучающим взглядом окинул прикованных грохенцев.

– Ты привел людей? Так, вот этого, Бохроса, раздеть и в цепях перевести в седьмую.

– В цепях? – удивился задремавший в своей дежурке Рошке и запоздало удивился еще сильнее: – Раздеть?

– Да, да, лейтенант. Этого нам Кодекс не запрещает, верно?

– Неуважительное отношение, господин Галашше, – мрачно протянул Бохрос.

– Этот грех я возьму на себя, – поморщился полицмейстер. – В седьмую... Я буду ждать там.

Стрелки на часах в узком коридоре подтягивались к полуночи. Время неумолимо, вот уже и настает завтрашний день, пора отправлять Рошке к Старому городу... «Сироты» наверняка уже покинули город, а Бык Метессе, судя по его глазам, впервые усомнился в правомерности действий своего начальника. Галашше почувствовал себя одиноким даже здесь, в Управлении. «Тяжелый денек... А ведь надо еще послать весточку жене, чтобы вместе с детьми и слугами перебиралась в Вельшею, им надо выйти за ворота на рассвете, так надежнее».

Нищенка, зевая, сидела на каменной скамье. Лет сорока, а может, несколько моложе – при ее профессии точнее определить трудно. Лицо, не мытое, похоже, с самого рождения, зато разукрашенное старыми шрамами и недавними синяками, не вызывало желания познаться, но ведь дело не в лице... Галашше опять развернул бумагу: вроде бы отец Невод ничего не писал о красавицах. Да и какая демонам разница?! «...Хватало лишь вида женщины...» – гласила присланная цитата. Лучше перестраховаться.

– Течка давно была? – зачем-то нарочито грубо спросил он.

– А чего? – Нищенка привстала, хитро прищурилась. – Давно. А я опять разговорила!

– Ох, тварь!.. – поморщился Галашше. – Не о том думаешь. На плетть меньше хочешь? Раздевайся.

– Так неготовая я... – Сообразительностью дама не отличалась. – Только-только поболтать захотелось. Зачем же?

– Раздевайся, говорю. Догола. На две плети меньше получишь. Ах, да ладно, вообще так отпущу! Если забудешь о сегодняшнем вечере. Разденься и встань там, в углу.

– Зачем же? Непристойно-то как... – Нищенка быстро стала сматывать тряпье, камера наполнилась вонью. – И к чему вам?

– Помолчи.

Галашше отступил в сторону, чтобы пропустить помощников и Бохроса. Грохенец, как показалось полицмейстеру, усмехался несколько криво и прикрывал скованными руками детородный орган. Введя арестованного, Рошке и «грачи» выжидающе уставились на начальника.

– Как вам эта женщина, господин Бохрос? – хрипло спросил Галашше.

– Что это еще за непотребство? – Купец мельком оглядел нищенку и отвернулся. – Вонь-то... Умер кто-то?

Посмотри еще разок, мне кажется, вы должны быть знакомы, – сказал полицмейстер первое, что пришло в голову. – Ну? Посмотри внимательнее, Бохрос!

Грохенец, скривившись, исполнил требуемое и опять отвернулся. Член его чуть дернулся, или Галашше только так показалось? Нет, показалось. Полицмейстер почувствовал, что краснеет.

– Воняет, повторил Бохрос. – Уведите, а то меня стошнит. Я не полицейский говно-клюй, непривычен...

– Уведите, заприте его в «мешок»! – приказал Галашше и мстительно добавил: – Одежду не отдавать.

8

Рошке, разобравшись в ситуации, задержался:

– У вас какие-то подозрения на его счет?

– Так, мелочи... Догадки. Одевайся, дура! – прикрикнул полицмейстер на обескураженную нищенку и вышел в коридор. – Вот что, лейтенант, я поразмыслил: ты прав, надо ехать на север, ждать больше нечего. Отбыть придется уже сейчас, ночью.

– Сейчас? – поднял брови Рошке. – Ладно, я холостой. Думаете, дело так плохо?

– Думаю, да. Идем.

Все еще мысленно ругая и себя за доверчивость, и отца Пладде за старческое слабоумие, Галашше поднялся к себе в кабинет. Давно написанное письмо барону Зеккуне и прилагающиеся бумаги лежали в ящике стола, запертом на хитрый замок чегишайской работы, оставалось лишь их запечатать.

– Я тут довольно много всего написал... Если придется туго, – мало ли что? – выкинь конверт за борт, – напутствовал он Рошке. – Лучше пусть ты доберешься до Секретной канцелярии без бумаг, но доберешься. Попробуй тогда рассказать, что знаешь, все же ты не сиволапый какой, а должностное лицо, обязаны хотя бы выслушать. Помни: на карту поставлена уже не только наша с тобой карьера, но, возможно, и жизнь.

– Я понимаю. – Рошке принял конверт и спрятал его за пазухой. – Мне помогут чегишай?

– Да, вот держи. – Полицмейстер отдал ему записку с указанием места и времени встречи. – Лучше зайди к себе, переоденься в штатское, чтобы не привлекать внимания. А потом чегишай дадут тебе свое тряпье.

– Кажется, отлив сегодня под утро, – прикинул лейтенант. – Значит, на рассвете буду уже в море. Думаю, мы поступаем правильно, господин Галашше. Не волнуйтесь, Небо на нашей стороне.

– Истинно так!

Полицмейстер даже приобнял Рошке и тут же поморщился: нервы, нервы... «Когда же дело успело зайти так далеко? Может, не стоило вмешиваться, обращать внимания на чегишайские жалобы? Самому пойти к главарию Грохенской гильдии, продаться, как магистратские старички? Теперь все равно поздно».

– Удачи!

Рошке закрыл за собой дверь, а Галашше опять потянулся к буфету – за вином. Не допив стакан, он вспомнил о семье, быстро написал и отослал с дежурным сержантом записку жене. Странно, но предположение об отставке за несколько часов переросло в уверенность. Арестовывая пятерых торгашей, Галашше объявлял войну, но не думал, что она окажется такой скоротечной, не предполагал силы связей Вешшера и Мачеле. Надо же, сам бургомистр к ним в гости бежит.

– А ведь наверняка не быть мне больше полицмейстером, – пробормотал он. – Или никем, или уж бургомистром.

До утра еще оставалось время. Галашше, чуть пошатываясь от выпитого, опять спустился в «певческую», к прикованным грохенцам. Теперь он был уверен, что они не демоны, от этого стало немного легче. Чатте успел разобрать бумаги и теперь скучал за столом, бездумно перелистывая Кодекс. Или искал там что-то конкретное для утреннего доноса Святым Отцам?

– Чатте, уведи всех в «мешки», кроме... вот этого. – Полицмейстер ткнул пальцем в тощего, тот выглядел особенно печальным.

– Осмелюсь заметить, – тихонько прошептал «грач», – обвинение не выдвинуто, а «мешок» расценивается как наказание или пытка, то есть...

– Я обвиняю их в мошенничестве! – не оборачиваясь, отрезал Галашше. – Исполни и побудь снаружи.

Недовольно вздыхая, Чатте увел троих арестованных. И об этом он расскажет Отцам, теперь они узнают обо всех, даже самых мелких, нарушениях. Галашше ухитрился разрушить свой авторитет за несколько часов, «грачи» вспомнили, что духовный надзор за начальником – это не право их, а святая обязанность. Так говорит Кодекс...

«Спасители моей души, ноги бы им переломать!»

Сам Галашше на мелкие прегрешения уже перестал обращать внимание, этому немало способствовало и выпитое вино. Мелочи можно отмотить, отходить в веригах...

– Как тебя звать-то?

– Аре Блес, – дрожащим голосом выдавил тощий. Без товарищей ему явно стало неуютно.

– Аре... Что же ты, Аре Блес, не сидел у себя в Грохене? Как там у вас, кстати, с полицией?

– Обычно, – пожал плечами торгаш. – То есть полиции нет, княжеская дружина за порядком следит.

– Что ж так плохо следит? Дом встреч, надо же... Развели мерзость. Это же мерзость, Аре! Признайся, ты захаживал туда?

– Никогда, – уверенно покачал головой Блес. – Хотя наши Святые Отцы говорят, что это грех замаливаемый. А дружина за порядком следит хорошо, по крайней мере невинных людей не хватает, на одной воде сутки в каменном «мешке» не держит.

– Да ну?... – Галашше присел перед ним на корточки. – Значит, не нравится тебе в Иштемшире, козел безрогий? А что же тогда дома-то не остался, зачем приперся сюда? А ну, раздевайся!

– Зачем? – Блес прижался к стене, зазвенев цепью. – Вы не имеете права!

– Да мне наплевать, что я там имею! – Полицмейстер быстро подошел к инструментам Быка Метессе и выбрал самый внушительный кнут. – Ну-ка раздевайся, пока я тебя не отхлестал, и рассказывай, зачем ты сюда пришел! Где берешь товар?! Кто такой Вешшер?!

Повторять эксперимент с Блесом Галашше не собирался, просто запомнилось, как униженно выглядел голый Бохрос. Да и любой бы почувствовал себя скверно, жаль, что не применяли этот метод раньше. Бывало, конечно, что с подвешенных слетали под кнутом все тряпки, но тогда их это уже не волновало. Впрочем, неизвестно, что бы сказали по поводу таких способов дознания Святые Отцы, Кодекс-то о них не упоминает.

– Вы не имеете права меня бить, это грех, я даже ни в чем не обвинен! – Зубы Блеса отчетливо пощелкивали.

– Обвиняю тебя в мошенничестве. Ты что, не слышал?

– Вы не составляли бумаги... И нельзя пытаться без присутствия хотя бы двух полицейских!

– О, да ты образованный, оказывается! – усмехнулся Галашше. – Готовился, да? Знал, что ко мне угодишь? Так вот, милый друг, у меня нет повода выдвинуть против тебя более серьезное обвинение, нет жалоб и свидетелей. Но это значит лишь, что я не стану тебя пытаться. А вот стегануть по морде за хамское поведение могу запросто, как поступил бы с любым мальчишкой на улице. Или могу сапогом пнуть в живот, если ты это предпочитаешь, или еще куда наподдать! Слышишь меня?! Раздевайся, дрянь!

Блес застыл, вцепившись в рубаху, будто боялся, что Галашше станет ее с него срывать. Полицмейстер не дал ему времени на раздумья и действительно стеганул – несильно. Достаточно показать свою уверенность. В том, что как минимум один удар этот парень заслужил,

Галашше не сомневался – иначе зачем учил Кодекс? «Арестованный груб и не склонен к откровенности».

– Ты о моей душе не думай, мразь, ты думай о своей! – Галашше занес кнут еще раз, в то время как всхлипывающий Блес прижимал ладонь к красной полосе через всю щеку. – Жаль, по глазам не попал, ну так у меня есть время попрактиковаться. Будешь раздеваться, или продолжим?

– Но зачем?.. – Блес медленно начал расстегивать пуговицы. – Ведь это грех для вас, я ни в чем не виноват! И я все расскажу Вешшеру, а он бургомистру и Святым Отцам... Вы лучше остановитесь, и тогда я все забуду! Можно мне в «мешок»? Давайте все забудем, а?

– Раздевайся, сопляк!

Пока дрожащий грохенец стаскивал с себя одежду, Галашше успел пожалеть об оставленном наверху вине. Последний день в должности – почему бы не принести его сюда? Он приоткрыл дверь:

– Чатте! Поднимись ко мне в кабинет, притащи из буфета вино и стакан не забудь. Потом постучись, понял? Это приказ!

«Грач»-канцелярист лишь округлил глаза: что ж, если полицмейстер так себя ведет, то, наверное, дело совсем плохо. Галашше сам прикрыл за ним дверь и постоял немного, не оборачиваясь.

– Слышь, Блес? Я ведь только одного хочу: понять, что за птица этот Вешшер. И все равно узнаю, не сегодня, так завтра. Ну зачем мне тебя мучить, на станок подвешивать, пальцем целомку доставать? Расскажи, и я тебя сразу отпущу, Небом клянусь. Товарищей твоих тоже выпущу.

– Я ничего не знаю... Спросите лучше Бохроса, он же мой начальник, а я и бумаг-то не видел никогда!

– А что видел? – Галашше вернулся, поигрывая кнутом. – Аре, пойми: у меня впереди вся ночь. Я буду пить, курить, закажу обед, то есть этот... ужин, в Ад он провались! Я не убью тебя, мальчик, неотмаливаемый грех на душу не возьму. Но здоровым ты не будешь уже никогда.

Блес молчал, обхватив длинными руками колени. Галашше хлестнул его кнутом несильно, скорее даже погладил, но плечи грохенца вздрогнули.

– Ну что ты упираешься, дурачок? – Полицмейстер хлестнул еще, потом еще, чуть сильнее. Сам же говоришь: ничего толком не знаешь. Ну, значит, ничего толком и не расскажешь, ничего важного! Но так не бывает: жил в Грохене, торговал, а откуда товар берется – не слышал.

– Из Никеи...

– Из Никеи? Какой же дорогой его оттуда везут, что ее больше никто не знает, этой дороги? Не через Сош, это точно, я узнавал. Так как же? И почему так дешево вам все достается, а? Отвечай, когда с тобой старшие разговаривают!

Он хлестнул сильно и тут же опять стал «поглаживать». Парень ломался, ломался на глазах...

– Пираты, – сказал Аре. – Пираты Южного Междуморья. Они грабят корабли, порты, а мы продаем награбленное...

– Пираты? – Галашше опять хлестнул сильнее. – Морские разбойники, да? Интересно. Отчего же пираты все, что с кровью возьмут, вам отдают задаром?

– Они... им больше некуда, а еще они участвуют в прибылях! Вешшер сам в прошлом... пират.

– А Мачеле?

– И Мачеле, кажется, тоже.

– Врешь! – Галашше ударил сильнее, стараясь, однако, оставить поменьше следов. – Мачеле – вельштейский землевладелец, мы про него все знаем. Кроме того...

Он замахнулся нарочито широко, пугая, и Блес вскинул руки. Галашше застыл – нижний орган Аре явно находился в полувозбужденном состоянии. Шумно втянув воздух, полицмейстер даже оглянулся: никого, они одни, в «певческой» нет никаких посторонних запахов, и неоткуда им взяться! Но член Блеса явно вырос, он подергивался в такт пульсации крови. Грохенец проследил за взглядом Галашше и быстро прикрыл срам рукой.

– Так... – Галашше пятился до самой двери и вздрогнул, когда в нее постучал Чатте. Не поворачиваясь к прикованному пленнику спиной, он отворил, впустил «грача».

Канцелярист принес бутылку и стакан, но, прежде чем отдать их, внимательно осмотрел «певческую»:

– Господин полицмейстер, осмелюсь заметить, вы отягощаете грехами свою душу, и я обязан... – Он выразительно посмотрел на кнут.

Что именно он обязан, Чатте не знал. Дежурный лейтенант куда-то ушел в нарушение полицейского Устава, а самому сержанту отстранять полицмейстера от выполнения обязанностей было как-то неудобно. Нужно как можно скорее послать людей в Магистрат. Но есть ли там кто-то ночью?

– Пусть кто-нибудь бежит к Отцам, срочно, остальным команда: сабли наголо! – Галашше вытолкнул Чатте в коридор, вышел сам и привалился к двери – вот беда, она не запиралась снаружи! Тут же жадно приложился к бутылке. Звякнул, раскалываясь о каменные плиты, выроненный стакан. – Слышишь меня?! К Святым Отцам беги! Скажи, что у меня в подвале живой атори, и, возможно, не один!

Чатте попятился. У него на языке вертелось множество вопросов, но сержант рассудил, что к Отцам надо бежать в любом случае. И конечно, в Магистрат – пусть известят бургомистра о сумасшествии полицмейстера.

Оставшись один, Галашше попытался подвинуть к двери стол, забыв, что ножки вмурованы в пол, потом поставил на стол бутылку и вытащил саблю – впервые за несколько месяцев. Спустившиеся «грачи» застали его в напряженном ожидании. Никаких звуков из «певческой» не доносилось, но атори, несомненно, должен стараться освободиться.

– Проверьте запоры на «мешках»! За дверью демон; возможно, он попытается прорваться! – Галашше испытывал и ужас, и торжество. Все-таки он выиграл, спасибо отцу Пладде! Ни один мужчина не способен возбудиться без женщины в периоде течки. – Будьте готовы отступить к выходу из подвала и завалить двери, приготовьте там какую-нибудь мебель. Еще: пошлите в казарму, пусть трубят подъем! Всех в строй и сюда – блокировать Управление! И еще... – полицмейстер подергал себя за ус и решил, что лучше перестраховаться, – еще пусть кто-нибудь бежит к Морской стене, доложит обстановку гвардейцам. Если в городе начнутся беспорядки, они должны нам помочь.

Коридор наполнился топотом и звоном, «грачи» привычно исполняли приказы, хотя и довольно странные. Галашше слушал эту «музыку», прикрыв глаза: он большими глотками пил из бутылки. Остановившийся рядом с ним полицейский тактично подождал, пока сосуд опустеет:

– Господин полицмейстер!

– Что еще? – Галашше крикнул и утер усы. – Трубку оставил в кабинете, пусть принесут.

– Господин полицмейстер, городская стража оцепила Управление, мы отрезаны от казарм. Они говорят: приказ бургомистра. С ними еще какие-то люди... Гонцы схвачены, сержант Чатте тоже. Прикажете трубить с крыльца?

Галашше не успел ответить: сверху донеслись треск ломаемой двери, топот и возмущенные крики часовых. Возмущенные и, похоже, предсмертные.

9

Выйдя на крыльцо, «грачи» переглянулись. Все трое улыбались, будто получили по подарку. Да так оно и было: наконец-то есть повод покинуть Иштемшир, оторваться от нудной ежедневной службы. Галашше и правда подарил «сиротам» отпуск, да еще какой! Вессенские леса, зловещие и опасные, преддверие Ада. Поодиночке любому страшно туда отправиться но вместе с друзьями, такими же молодыми и так же хорошо владеющими саблями, что может быть лучше? Ведь они не новобранцы-небесиики, съездят, погуляют да и вернутся со славой в родной Иштемшир.

– Что, в лейтенанты произвели? – предположил подошедший Вик худшее. – Всех сразу?

– Да, но не сейчас, а когда вернемся из Ларрана! – начал было Эшуд, да Леппе пихнул его в бок:

– Тише, не ори. И кстати, а с чего вам понадобилось тащить с собой этого растяпу?

– Пропадет тут один, – пояснил Шели. – Много денег-то дали, Хромой?

Леппе, маскируясь от шатающихся по двору «грачей», высыпал на ладонь содержимое мешочка.

– Не густо, – вынес вердикт Грамми, не дождавшись пересчета. – Сотня хоть есть?

– Восемьдесят с чем-то, я сбился... – Леппе ссыпал золото обратно и спрятал за пазуху. – Не так уж плохо. Три дня туда, три обратно, дней десять, не больше, в Ларране.

– Десять дней в Ларране?... – пискнул Вик Палассе, но его никто не услышал.

– Что там делать десять дней? – хмыкнул Шели. – Два-три дня, я так думаю. Поговорим с ордынцами, может быть, с тамошними Отцами и назад. Кстати, на обратную дорогу ты тоже зря три дня кладешь: можно ведь не идти, а приплыть как князя, по Копину в Шосну и до Речного порта. Так что... думаю, нам хватит.

– На что? – мрачно спросил Леппе.

– Будто ты его не понял! – хохотнул Нетоле. – Но давайте об этом потом поругаемся, когда за стены выедем. Пойдемте в казарму, надо кое-каких мелочей в дорогу набрать.

Трое зашагали вдоль Управления к длинному зданию казармы, находившемуся чуть в стороне от площади Шале. Вик, не ожидавший такой прыти, ошалело смотрел им вслед. Наконец Леппе обернулся, продолжая энергично хромать по улице:

– Что стоишь, чучело приютское?! Бегом, ты с нами!

– С вами, так с вами... – пробормотал Палассе, направляясь следом. – Небесникам нас Галашше продал, что ли?

Смахнуть в сумки «мелочи в дорогу» «грачам» было недолго, всего-то туалетные принадлежности, к которым относились сапожные щетки и тряпочки для кокард, смена белья. На том сборы и кончились, остальные пожитки: кое-какие книги, занятные картинки, старое обмундирование да парадные португепи – тащить с собой не имело смысла. Приятели, конечно, потребовали объяснения стремительным сборам, но Леппе, не имевший на этот счет подробных инструкций от полицмейстера, ответил за всех:

– Галашше дал нам отпуск, и мы уезжаем на юг, к бабушке Эшуда!

– Какая еще бабушка? – перестал брнчать на гитаре «грач», который спал рядом с Нетоле уже несколько лет. – Не слышал ни о какой бабушке. Эшуд, он врет?

– Ну, такая... не совсем моя бабушка... – забормотал чернокожий сержант, торопясь к выходу. – А может, и моя. Поедем в Никею и все узнаем.

– Это ты зря брякнул про Никею, – уже снаружи сказал ему Клэс. – Мало ли где у тебя могла найтись бабушка? Может, в Соше.

– Ты на меня посмотри повнимательней, – вздохнул Эшуд. – Ближе Никеи меня никто внуком не признает, если не считать черных бродяг из Заречья.

Вик что-то бормотал про себя, но решил пока ничего не спрашивать, чтобы прежде времени не расстраиваться. Он брел последним, не глядя по сторонам. «Грачи» пересекали затихающие к ночи кварталы: Белый, Рынок, вот и Монета. Леппе, несмотря на хромоту, старавшийся всегда быть впереди, высмотрел первую же работающую лавочку:

– Вон! Все же они молодцы, что совсем не закрываются. Чегиишай так не делают.

– А какой смысл торчать в лавке ночью? Нас ждать? – пожал плечами скептический Шели. – Странная у них вывеска.

– Чем же? Забавный кружок.

– Я хочу сказать: обычно штаны вешают или куртку.

– Так в витрине все это есть. – Запыхавшийся Леппе подошел к дверям и прочел: – «В любое время суток оденем с головы до ног!» Отлично.

«Грачи» проскользнули в узкую дверь, только Шели немного задержался, чтобы рассмотреть вывеску получше. Ему она вообще-то тоже понравилась: круг, две половины которого, черная и белая, были разделены волнистой линией. При этом на черной половине имелся маленький белый кружочек, а на белой – черный.

– Оригинально! – буркнул он и тоже вошел.

Два рослых парня, скорее не торговавших, а дежуривших в лавке в столь поздний час, собирались поужинать за, конторкой, но тут же отложили в сторону и колбасу, и хлеб.

– Чем обязан, господа полицейские? – Рослый рыжий грохенец чуть поклонился. Его помощник, лишь немного уступавший ему в росте и тоже рыжий, несмотря на смуглость кожи, вытащил толстый грассбух.

– Нет, мы не с проверкой, – успокоил его Леппе. – Мы... нам нужно купить кое-какой одежды.

– Плащи, шляпы? – Повеселевший торгош отправился в глубь лавки. – Я вижу, у вашего друга совсем истрепался головной убор...

– Он его позже сменит, форма тут ни при чем. Нам нужно... Да, плащи, шляпы... Куртки, рубахи, вообще все, – сдался Хромой. – У вас написано: «с головы до ног» – вот это как раз то, что нам нужно. И не надо темных тонов.

– Рубахи можно оставить, – шепнул ему Шели. – И кальсоны тоже, между прочим, не швыряйся деньгами.

– Кальсоны кальсонами, а рубахи у нас с клеймом Управления, – напомнил Нетоле. – Надо сменить, мало ли где стирать придется.

– У меня и кальсоны с клеймом... – раскрыл наконец рот Вик.

Шели Грамми далее присвистнул от восторга: носить казенные кальсоны считалось среди «грачей» унижительным.

– Господа, – торговец уже отправил куда-то в заднее помещение своего товарища и теперь потрясал ворохом штанов, – я так понимаю, что вы все хотели бы пере... приодеться? Пусть кто-нибудь один пройдет к зеркалу на примерку, а остальные могут пока подобрать себе чулки, шляпы и все прочее. Кстати, есть замечательные перчатки, очень дешевые, сошское плетение.

Все прошло удивительно быстро. Нечего сказать, работали грохенцы стремительно, сохраняя при этом неизменную учтивость и даже некоторый такт. Особенно это понравилось Вику, которого Леппе заставил прямо в лавке сменить и кальсоны, – продавец, державший перед Палассе кусок ткани, демонстративно смотрел в сторону.

– А сапогами не интересуетесь? – спросил грохенец у Леппе, когда тот уже отсчитывал деньги. – Я хочу сказать, ваши, конечно, в прекрасном состоянии, но... – Он посмотрел на пыльные, разбитые сапоги Вика.

– Нет-нет, они еще очень крепкие, – отмахнулся новыми перчатками Грамми, а Эшуд прыснул в ладонь.

– Да, и так сойдет, – кивнул Леппе. – Хватит его баловать.

– Может быть, пару дорожных сумок? Мне показалось, что вы намерены совершить путешествие.

Леппе замешкался. Вообще-то для пожитков «грачей» вполне хватало поясных сумок, но он как-то не подумал об их форме, которая теперь громоздилась кучей на стуле. Погнать в казарму Вика? Этого Хромому не хотелось, Палассе исхитрится сболтнуть что-нибудь лишнее. Остальным Галашше приказал быть на встрече с незнакомым пока отцом Пладде.

– Господин продавец, – понял его затруднение Шели, – а нельзя ли нам оставить у вас нашу одежду на несколько дней? Только пообещайте, что вы ее не продадите по ошибке!

– Да я, честно говоря, не знаю, возможно ли это... – смутился грохенец.

Но тут уж сработали инстинкты «грачей», и все четверо подошли к торгашу вплотную.

– С полицией не спорят, морда! – тихо прошипел Леппе, вмиг потеряв всякую учтивость. – Хочешь, чтобы лавочка твоего рыжего папаши имела проблемы? Получишь и сам прямо сейчас пойдешь с нами.

– Я не то имел в виду... – окончательно растерялся торговец, не выдержав холодного взгляда Киэса, хотя тот был на полголовы ниже.

– Ого! – Вик прыгнул в сторону, выхватывая саблю. – Вы гляньте!

Второй грохенец, вооружившись увесистой дубинкой, зашел «грачам» за спину. Почувствовав у живота острие, он посмотрел на партнера.

– Брось сейчас же! – прикрикнул торговец. – Простите, господа, это мой дальний родственник, он совсем недавно в Иштемшире, диковат... Конечно, я буду хранить вашу почтенную форму сколько потребуется. Мы почистим ее и, если понадобится, произведем починку, все бесплатно.

– Знал бы, что у вас такое хорошее заведение, обязательно попросил бы скидки! – прошипел Леппе. – Пошли, ребята, не время сейчас. Вик, убери саблю!

– Пусть бросит дубинку, – заупрямился Палассе. – Мне кажется, он разбойник! Его надо отвести к Быку на профилактическую беседу!

– Оставь его, я сказал!

Леппе вытолкнул рассерженного Вика на темную улицу. Последним как вошел, так и вышел Шели Грамми, он помахал сразу двумя парами перчаток:

– Я подумал, что они все-таки должны сделать мне скидку.

– Вот, Адово проклятие, а я не сообразил! – Нетоле шагнул было обратно к дверям, но на его пути встал Хромой:

– Время, парни, время! Мы не можем опаздывать.

10

Монета – деловой квартал, поэтому ночью почти полностью погружается во тьму. Улицы пусты. Сторожа в Иштемшире не в моде, иначе на что полиция? «Грачи», на ходу принаравливаясь к новому платью, шагали по пустой улице.

– Где-то здесь, если я не пропустил, поворот. – Леппе не нужна была карта города, по которому он почти каждый день разгуливал в патруле. – Но который дом – желтый – так сказано в записке, да сейчас-то этого не разглядишь.

– А время? Часы еще не били? – забеспокоился Нетоле. – Здесь какие лучше слышно: с Шале или с Рыночной?

– Смотри, кто-то дверь приоткрыл, – показал Грамми вперед, на появившийся и исчезнувший четырехугольник света. – Поймать его да спросить.

– Дурень ты, Шели! – Хромой пошел быстрее. – Поймать... Мы уже не в форме. Стражу позовут или наших же «грачей». А скоро вообще из Иштемшира выйдем, вот там дел не натворите.

Однако ловить никого не пришлось: при приближении «грачей» дверь снова приоткрылась и стал виден человек, до этого неразличимый в темноте.

– Господа, вы не видели здесь девочку?

Человек говорил с чегишайским акцентом. – Маленькую девочку в зеленой шапочке.

– Какая еще?.. – начал было Вик, но Шели положил руку ему на плечо.

– Нет, но на площади мы видели мальчика в такой же шапочке, – ответил Леппе. На листке с адресом, который дал ему Галашше, был записан и пароль. – Мы не опоздали?

Чегишай вместо ответа приложил палец к губам и отворил дверь еще шире. Через нее «грачи» попали прямо в зал – этот торговый народ не признавал прихожих, так же как и крылечек. Зал оказался пуст, хотя на столе стояли тарелки с остатками чьего-то ужина, ярко горели свечи.

– Пожалуйста, ждите здесь, – попросил чегишай и быстро поднялся по лестнице.

– Не люблю чегишаев, – шепотом сказал Палассе. – Зачем мы пришли?

– Для разговора. Слушай, – Хромой повернулся к Эшуду, – а не выкинут эти грохенские торгоши какую-нибудь штуку с нашей формой? Напрасно мы ее там оставили.

– Брось, грохенцы не хуланы. Тем более знают, что мы их на галеры отправим. Не волнуйся, за такие вещи и в Грохене достанем! – Нетоле и в голову не приходило, что торговцы могут оказаться настолько недалёковидными. – Да и что они такого могут сделать? Гулять в ней по Иштемширу? Наши сразу узнают рваную шляпу Вика. Давай лучше о деле думать.

– Это точно, – кивнул Грамми. – Только думать не значит болтать, в чегишайских домах бывает удивительная акустика.

«Грачи» как по команде отвернулись друг от друга, рассматривая теперь комнату. Голые стены, циновки. По углам сундуки вроде крестьянских – там чегишаи держат матрасы, которые на ночь кладут прямо на пол. Ставни единственного окна закрыты, да еще и задернуты толстой, непроницаемой для света шторой.

Заскрипела лестница. Полицейские ожидали увидеть хозяина, но сверху спустился человек в длинном голубом плаще с накинутым капюшоном. Шумно выдохнул Палассе – увидеть здесь одного из Отцов он не ожидал.

– Ваши имена?

– Сержанты Леппе, Нетоле, Грамми и надзиратель Палассе. Больше никаких имен нас просил не называть известный вам человек, – доложил Хромой, почтительно наклонив голову, но осмелился спросить: – Как нам обращаться к вам?

– Отец Пладде, хотя мне тоже не хотелось бы, чтобы кто-то узнал о том, что я был здесь, и, конечно, о нашем разговоре.

Пладде подошел к столу и уселся на единственный стул, аккуратно отодвинув в сторону тарелку.

– Господин Галашше... Ах, да не вздрагивайте, все в порядке. Он рекомендовал вас как людей надежных и осмотрительных. Правда, он писал о троих... Но мне знакомо лицо вашего друга. Вы, вероятно, обо мне не слышали: я сторонюсь известности.

– Да, отец Пладде, – подтвердил Леппе, переминаясь с ноги на ногу. – Господин полицеймейстер сказал, что вы передадите нам некоторые сведения касательно..

– Касательно вашего похода на юг, в Вессен. Да... – Пладде некоторое время рассматривал свои руки, потом продолжил: – Видите ли, господин Галашше поделился со мной некоторыми сомнениями относительно происходящих в городе событий. Я пытался донести их до Совета Отцов, но меня едва не ославили еретиком и небоотступником. Я должен честно предупредить вас, что сомнения господина Галашше и мои подозрения не вполне соответствуют букве учения Книг. Точнее сказать, они оспаривают непогрешимость отца Невода, написавшего Книгу Войны. Ваша задача – всего лишь собрать на юге сведения, которые или подтвердят наши взгляды, или докажут их ошибочность и тем вернут нас на истинный путь. Даже самое строгое разбирательство Совета не сможет вас, объективных наблюдателей, ни в чем упрекнуть. Ваши души вне опасности.

Полицейские молчали, стараясь дышать потише. Дело заворачивалось круто, если уж с первых слов их убеждают в безопасности душ.

– Демоны выходят из Вессенского Леса, – опять заговорил Пладде. – Это продолжается уже почти триста лет. Все ли вы читали Книгу Войны?

– Я читал, – быстро сказал Эшуд и оглянулся на товарищей.

Палассе чуть развел руки, Леппе покашлял в кулак.

– Все мы с ней знакомы... в общих чертах, – подытожил Шели Грамми. – Не было, видите ли, необходимости в пристальном изучении – атори почти не доходят до Иштемшира, мы находимся далеко от Вессена.

– Ноосат мал! – усмехнулся Пладде из глубины капюшона. – На севере и юге, западе и востоке простираются огромные территории, населенные разными народами, так угодно Небу. Их земли богаты, но богатства приводят к зависти, а зависть к ссорам. Как ни стараются Отцы, люди губят свои души, хотя Освободители Вселенной приходят все чаще. Вот почему так мало внимания уделяется нашему тихому, бедному перешейку между двумя материками. Здесь не за что воевать, оттого люди спокойны и небопослушны, даже богаты – Небо вознаграждает за труд.

Палассе тихо вздохнул – ему, уличному надзирателю, иштемширцы вовсе не казались небопослушными. Одни чегишаи чего стоят, не говоря уже о хуланах, которые вот уж точно душ своих ради чужого добра не жалеют.

– После Войны прошло триста лет... Триста лет тишины. Иногда атори обманывают своих сторожей, воинов Ордена Неба, основанного самим отцом Неводом. Они проникают в земли, отдаленные от Вессена; я знаю, что один из вас совсем недавно убил такого демона. Что ж, ты должен быть счастлив, что совершил небоугодный поступок, Эшуд Нетоле. «Где бы ты ни встретил атори, убей его тотчас, ибо в любом обличье, в любом состоянии он останется слугой Ада» – так писал отец Невод. Но в той Книге, что ты прочел, Эшуд, наверняка некоторых строк не хватает. Например, такой: «Убей, даже если не вполне уверен, что перед тобой демон. Небо увидит твои помыслы и простит».

– Да, там не было таких слов, – сказал Эшуд, стараясь выдержать тяжелый взгляд из-под капюшона. – Я о них ничего не слышал.

– И немудрено, Совет не одобрил их. И еще некоторых мест в Книге... Их решили изъять перед переписыванием, и уже в таком виде Книга Войны вошла в учение.

– Но тогда эти строки не относятся к учению!

– Не относятся, – кивнул Пладде. – Просто эти строки принадлежат перу отца Невода, вот и все. Конечно, Совет не мог их принять, я и сам бы, живи в ту пору, голосовал против. Ведь этак очень просто можно было оправдать убийство: мне показалось, что передо мной демон! А помыслы видны лишь Небу, не людям. Но отец Невод обращался к стрелкам своей армии, Эшуд, к арбалетчикам. Ведь Война велась по всему Сошу, Грохену и Вессену, целые армии проходили по этим дорогам – не только армии людей. Но солдаты Неба – а то были смиренные, истинно преданные добру люди – не решались стрелять в атакующих атори, пока те не приближались и не начинали убивать воинов. Тогда стрелять было уже поздно, а в рубке демоны сильнее. Солдаты Неба боялись убить человека и тем обречь свою душу на вечное заключение в Аду. Отец Невод призвал их к храбрости, обещая прощение. Так и пришла победа, ведь начало Войны было для людей неутешительным.

– А отец Невод имел на это право? – спросил Шели. – Обещать прощение от Неба?

– Наверное, нет, – вздохнул Пладде. – Думаю, обратиться он к Совету, ему не позволили бы сказать такое. Да и сам Совет не может обещать прощение... Хотя я лично верю в него. Верю, но не могу доказать. Однако надо понять и отца Невода: он, отшельник, проповедовавший среди диких племен, населяющих северное побережье Ноосата, первым услышал о нашествии демонов и явился в Вессен по своей воле. Он застал бесчинства атори в самом разгаре: адские создания убивали всех подряд, забирали добро, сжигали поселения. Нетолер читал Книгу – пусть он расскажет тебе, до каких мерзостей доходило. Немедленно явились лжепророки, уж без них никогда не обходится... Люди решили, что настают последние дни, что Ад восторжествовал. Уцелевшие находились в рабстве у атори, работали и прислуживали им, удовлетворяли их мерзкие похоти и могли быть убиты в любой момент. Отец Невод скитался от поселка к поселку с одним лишь посохом в руках, прятался в чащобах от демонов и старался внушить людям, что Небо не оставило их. Он поднимал их на борьбу! Но атори неизменно уничтожали восставших. Как ты думаешь, сержант Грамми, всякий ли устоял бы на его месте?

– Как только он сам жив остался? – Некоторую язвительность своего замечания Шели смягчил скорбным покачиванием головы. – А я думал, отец Невод привел в Вессен армию Неба.

– Отец Невод не имел права вступать в битву – он собирал по крупицам знание об атори. Он же, кстати, и дал имя этим, прежде невиданным, демонам, соединив слова «ато» и «ри», обозначающие «Ад» и «вверх». Тем самым отец Невод и объяснил природу мерзких существ, и заставил нас вечно вспоминать о народе, жившем прежде в Вессеи и полностью уничтоженном, – из его языка он взял эти слова. Так вот, сержант Грамми, отец Невод с первого же дня пребывания среди атори посылал в Совет Отцов -ближайший тогда находился за Северным Междуземным морем, в Кенчипьяше, – донесения, которые позже и переработал в Книгу Войны. Отец Невод свят.

– Конечно, конечно! – закивал смущенный Шели. – Я просто в самом деле удивился... Значит, армия Неба пришла позже. Но ведь не только с севера, верно?

– Сперва с севера, эти войска не пустили атори к Иштемширу и столице грохенского княжества. Затем, отвечая на зов Совета, подросла подмога с юга, пришли дружины с запада, даже хулань прислали своих воинов. Не хмыкай, надзиратель Палассе, тогда у хуланов еще было свое государство. На востоке, в Житьеме, собралась другая армия, ведь и туда шли демоны из Вессена.

– Я и не знал, – подал голос Леппе, чтобы тоже поучаствовать в разговоре. – Я думал, они только к Ларрану выходили.

– Нет, атори шли в обе стороны, на запад к нам и на восток в Житьему. Но Святые Отцы послали воинов, и отец Невод, вдохновляя их своим словом, победил пришельцев из Ада. Однако он не нашел ворот, ибо Князь Ада создал их невидимыми человеческому глазу... Как ни прочесывали войска Вессенские пуши, демоны продолжали выходить из них. «И стало ясно мне, что Война не окончится до тех пор, пока не изжиты греховные страсти из сердец человеческих. Не освобождает Небо нас от врагов, желая испытать. И положил я камень на пепелище в местечке Ларран и сказал: быть здесь твердыни Неба, которую оборонят лучшие из нас». Война не окончена, верно, Эшуд? Эти слова были в твоём экземпляре Книги?

– Были, – согласился самый чёрный «грач». – Но Войну продолжают небесники.

– Триста лет... – Пладде наклонил голову, смахнул со стола несуществующие крошки. – Триста лет атори приходят на землю Вессена. Они в человеческом обличье, но всегда наги, они похожи на нас внешне, но отличны внутренностями и даже языком. Они общаются меж собой на каком-то адском наречии, приходят поодиночке. Подземный Князь шлет и шлет их сюда, но ни разу атори не добились больших успехов. Нет больше покорённых селений, нет уничтоженных народов. В юности я, как и многие послушники, выбрал своим подвигом путешествие в Ларран, службу там. Отцы не обязаны воевать, они не члены Ордена, но, конечно, и мы не стояли в стороне. Я провёл там десять лет и лишь потом удостоился перевода сюда.

– Вы убивали атори? – спросил Эшуд. Ему в голову не могло прийти, что кто-то отправляется в Ларран добровольно.

– Доводилось. Впрочем, это редко бывает трудно, обычно демоны не успевают прозреть. Облавы захватывают их иногда целыми десятками. Очень сильные, но нагие и безоружные... Я всегда удивлялся, отчего атори, даже собираясь большими группами, не нападают первыми. Они не стараются затеряться в лесах, наоборот, стремятся выйти из них. Небесники регулярно устраивают рейды до самой Житьемы, так же поступают и их товарищи с востока, но ничего, кроме несчастных землянок, в Вессене не находили. Я читал и перечитывал отца Невода, но ответа там не нашёл.

– Ну и хорошо, что они такие глупые, – пожал плечами Палассе, уставший стоять. – Мы поедём в Ларран смотреть, как там дела у ордынцев?

– Не совсем. Я знаю, каково положение Ордена, сведения приходят к нам регулярно. Нам с господином Галашше хочется, чтобы вы больше внимания уделили происходящему вокруг Ордена Неба, а также событиям по пути от Иштемшира до Ларрана. Что должно вас заинтересовать больше всего?.. Ну, Книгу Войны вам читать сейчас поздно. А раз так, Эшуд, именно ты должен обратить особое внимание на то, что покажется тебе противоречащим Книге. Даже на мелочи. Вообще больше всего стоит заняться мелочами. Не покажется ли вам что-нибудь странным в пути? Купцы, которые не боятся атори, странные обычаи, странные люди... Вот, собственно, и все. В сроках вы не стеснены, но если узнаете хоть что-то, что покажется вам действительно интересным или, точнее, опасным, – немедленно возвращайтесь. Никаких весточек даже с самыми надёжными людьми не передавать, себя не называть, на господина Галашше не ссылаться ни в коем случае. Меня упомянуть можно один раз – в разговоре с Вашшасом, князем Ларрана.

– Кто это? – удивился Леппе и повторил, глядя на Эшуда: – Князь Вашшас.

– Существует ларранское княжество, – пожал плечами Пладде. – Почти никто о нём здесь не слышал, потому что реальная власть в Ларране принадлежит Ордену, но и князь есть, и дружинники, и крестьяне. Княжество не может существовать без защиты ордынцев, но и за земледельцами кто-то должен присматривать – ни Отцам, ни небесникам это ни к чему. Так что там полный мир и согласие, но князь Вашшас помнит меня и позволит вам с удобством устроиться, не вступая в переговоры с ордыдцами.

– Значит, Совет ничего не знает о нашем путешествии, – беззаботно заметил Шели.

– Я же сказал: наши подозрения граничат с еретизмом, надеяться на помощь Совета бесполезно. Вы исполняете личное поручение своего начальника, разве это противоречит вашим желаниям?

– Нет. Но хотелось бы узнать... – Шели переступил с ноги на ногу, стараясь выглядеть смущенным, – а в чем состоят эти ваши... еретические подозрения?

– В том, что атори, возможно, уже давно проникли и в Грохен, и даже в Иштемшир, – сказал Пладде и опустил голову. – Ты спросил, сержант, я ответил. Большого не проси, ты должен просто наблюдать и рассказать позднее, что увидел.

Пладде молчал, молчали и полицейские. Вообще-то полицмейстер просил не посвящать «грачей» в содержание своих ночных кошмаров, опасаясь быть опозоренным, когда все прояснится. Но отец решил, что, будучи как следует напуганными, гонцы лучше выполняют свое предназначение.

– В Иштемшире? – пробормотал Вик.

– Именно так. Господин Галашше, пользуясь нашим давним знакомством, попросил меня обратить внимание на некоторых людей, появившихся в городе несколько лет назад. Успехи, которых они добились в столь короткий срок, поразительны, в то же время наверняка про них никто ничего не знает.

– Кто же это такие? – насторожился Леппе. – Господин полицмейстер нам ничего такого не рассказывал.

Пладде помедлил с ответом, но все же решил сказать чуть больше:

– Речь идет о так называемой Грохенской гильдии. Купцы, приезжающие из Грохена, держатся вместе, во множестве оседают в Иштемшире, открывают лавочки... Это уже секретная информация. Теперь вы в нее посвящены, так будьте любезны оправдать наше доверие.

– Ничего не понимаю... – Леппе потряс головой. – Грохенцев уже давно много в городе. И никаких нареканий с нашей стороны они не вызывали.

– Добавь, Хромой, что Грохенская гильдия пользуется покровительством Магистрата и самого бургомистра, – тихо добавил Шели. – Теперь я лучше понимаю, отчего наше путешествие держится от всех в тайне. И очень надеюсь, что бургомистр о нем не узнает.

– Да, именно поэтому, – кивнул Пладде. – Возможно, наши подозрения смешны – тем лучше. Тогда дело кончится ничем и мы обо всем забудем, мы все. Обо всем, кроме, конечно, вашей преданности... Но не проверить, не убедиться в невиновности грохенцев мы не имеем права.

– Да при чем тут атори, я не понимаю?! – вскипел Палассе. – Тогда дальше Грохена и идти не нужно, если все дело в том, чтобы поймать этих жуликов!

– Потихе, Вик, – Нетоле оглянулся на дверь, – ночь на дворе.

– Именно, не надо шуметь, – посуровел отец. – Грохенцы здесь давно лишь для вас, молодые люди. А я прекрасно помню время, когда ни одной из этих дешевых лавчонок в Иштемшире не имелось. Итак, я рассказал вам все, надеясь на вашу честность. И на ваш разум. Есть вещи поважнее Магистрата или даже императора. Готовы ли вы поклясться держать все в секрете? Тогда можно отправляться.

– Нет, постойте, – попросил Эшуд. – Вик верно спросил: при чем тут атори? Вы думаете, грохенцы как-то связаны с демонами?

– Я думаю, что грохенцы ведут себя крайне странно, и, как член Совета Святых Отцов, должен выяснить, нет ли здесь какого-либо греха. Не все грехи, как вы знаете, находятся в ведении полиции. Мы знаем, что у приезжих торговцев имеется в большом количестве дешевый и качественный товар, а откуда он поступает – неясно. По крайней мере пока. Мы знаем также, что грохенцы привозят порой вещи удивительные, быстро входящие в моду. Откуда, скажем, в Иштемшире взялись зонты?

– Зонты? – Нетоле развел руки. – Не знаю. Их делают и продают грохенцы и еще чеги-шаи, но чегишайские быстро ломаются.

– Верно. Но моды завели именно грохенцы, прежде мы понятия не имели о них, а теперь и на севере зонты покупают. Рессоры вы, наверное, и не помните, но первые рессорные тележки у нас появились всего-то лет пятнадцать назад. Теперь все караванчики пользуются ими, но придумали новшество грохенцы. Ваши сапоги, взгляните на них! – Пладде вытянул руку, указывая на потрепанную, грязную обувь Палассе. – Смотрите, отвороты. Все так ходят, верно? Но еще десять лет назад сапоги были просто сапогами, как и пятьдесят, и сто лет назад! Меняются фасоны рубаш, шляп, плащей... Я не говорю о дамских туалетах! Но прежде такого не было, мы ходили в том же, в чем и наши предки. Ели из такой же посуды, возили грузы на таких же тележках. Теперь же меняется все; что ни год – даже новые сорта табаков и вин появляются.

– Но разве это плохо? – опять подал голос упрямый Шели Грамми. – Отцы не говорили, что это грех.

– Это не грех, но это странно, – уточнил Пладде. – И вот совсем уж недавно появилась еще одна милая странность, которую я собираюсь все же обсудить на Совете. Кое-кто из грохенцев начал давать в долг. Сперва в лавочках, а теперь, говорят, бургомистр разрешил создать специальную конторку прямо у площади Шале. Давать в долг, конечно, дело достойное всяческого уважения, но... Грохенцы дают деньги не только в залог имущества, но еще и под процент. Понимаете?

Повисла пауза.

– Нет, – за всех ответил Леппе.

– Ага! – Отец сухо рассмеялся. – Это новшество и вам странно, да? Так вот, занимая у грохенцев сотню золотых на год, ты должен отдать им сто пять.

– С какой стати?... – Хромой обескураженно посмотрел на Нетоле.

– Именно сто пять? – «Грач» морщил лоб, стараясь понять, в чем дело. – Но ведь никто тогда не станет у них брать!

– А если очень нужно? – Пладде навалился на стол. – Если ты, сержант, захотел жениться? А на окраине как раз освободился славный домик, и стоит он десять тысяч. Но у тебя их нет, ты, допустим, копил, откладывал, но набрал всего девять. Где ты, сержант Нетоле, возьмешь еще тысячу?

– Пойду по ребятам, в шляпу столько не накидают, но... Кто-нибудь из лейтенантов одолжит. Им много платят, – честно предположил Эшуд. – Только у меня девяти тысяч тоже нет.

– Допустим, будут. Знаешь, что тебе скажет лейтенант через год? Что у него тоже нет сейчас денег. Потому что конторка, которую откроют наши милые грохенцы, будет не только давать деньги под процент, но и брать. Четыре процента, то есть четыре золотых с сотни. Грохенцы – друзья бургомистра, в их честности никто не усомнится. Им понесут деньги сначала члены Магистрата, а затем и все подряд. Ведь грохенцы такие смешные и добрые люди – готовы не просто взять в долг, а еще и за что-то добавить четыре золотых!

Пладде опять рассмеялся, переводя взгляд с одного «грача» на другого. – Но только четыре, а с тех, кто у них возьмет, потребуют пять.

– Это какое-то жульничество, – уверенно сказал Палассе. – Захапают денежки – и бежать.

– Вряд ли, уж очень много у них всего в Иштемшире. Не бросят. Зато через несколько лет все, у кого есть деньги, отнесут их грохенцам. И кто тогда даст тебе в долг, Нетоле? Только они же. И ты возьмешь, чтобы купить домик, а потом будешь расплачиваться непонятно за что.

– Ну, пять золотых в год, это можно, – почесал затылок Эшуд. – Хотя и обидно... Вик прав, тут жульничество.

– Допускаю, охотно допускаю. – Отец встал. – Но отчего про такое жульничество никто никогда не слыхал? А в Грохене, говорят, все повально играют в какую-то игру, мне рассказали сержанты из Ордена, что приходили сюда за новобранцами с севера. Почти тут же я услышал, что Гильдия собирается предложить ее нашему Магистрату... Не понимаю, странная какая-то игра. Вот вы заодно про нее и разузнаете получше, когда будете проходить. Есть у вас еще вопросы? Только такие, без которых вы не можете отбыть, – время идет.

«Грачи» промолчали, переглядываясь. Поговорить, конечно, хотелось, но Галашше требовал покинуть город как можно скорее.

– Отлично. Тогда клянись держать все в тайне, и я пожелаю вам удачи.

Пладде достал из-под плаща Книгу Неба, первую среди Книг, и полицейские положили на нее правые руки. Механически повторяя за отцом слова, Нетоле попытался сложить услышанное воедино и вычленить самое главное. Выходило, что полицмейстер сцепился с Грохенской гильдией, а через нее с самим бургомистром и даже, может быть, большей частью Совета Отцов. В случае если их схватят, будет допрос с применением и кнута, и пальцеломки, а клятва не позволит «грачам» даже назвать имя Пладде. Нечего сказать, славное положение. С другой стороны, если вдруг грохенцы окажутся слугами Ада, пособниками демонов, то все остальное, даже смерть, – сущие мелочи.

– Теперь идите. – Пладде убрал Книгу и сложил руки на груди. – Да пребудет с вами милость Неба, пока вы по своей вине не утратите ее.

– Да пребудет! – хором воскликнули «грачи», повторяя жест, после чего один за другим вышли в ночь.

– Что теперь? – прошептал Вик.

– Теперь молчи и иди за мной! – скомандовал Хромой. – Надо постараться миновать все будки, а то пристанут парни с расспросами.

– Стража все равно узнает Эшуда, – напомнил Шели. Даже ночью... Ребята, я так и не понял, каким образом Грохенская гильдия может быть связана с атори. Что им, демоны товар из прямо Ада выносят?

– Вот нам и нужно это проверить, дурак! – вздохнул Леппе и захромал по улице. – Помолчите в самом деле: стража стражей, а разговаривать с «грачами» я не хочу.

По настоянию Хромого четверка прошла через ворота в Третьей стене в Ветераны, миновала ровные, широкие улицы этого квартала, а уж дальше пошли места грязные, застроенные как попало, лишь их обитателям да полицейским хорошо знакомые. У самой Четвертой стены с ними даже пытались повздорить какие-то типы, похожие на княжеских вельщев, но Палассе по привычке вытащил саблю, и драка не состоялась.

– Дурак! – опять заворчал на него Леппе. – Мы тебя зачем взяли? Чтобы ты все испортил? Мы не полицейские, вот и не ори «именем императора!» каждый раз, как тебя обидели!

– Разве лучше было бы на кулаках с этой пьянью схватиться? – оправдывался Вик. – Эшуд, ну скажи!

– Здесь, наверное, нет. А вот за пределами города лучше, потому что там все равно нет нашей власти. Достанешь саблю и все подумают, что ты грешник-убийца, – рассудил чернокожий. – Так что давай-ка послушайся хорошего совета.

Стражники Четвертой стены осветили их лица и были сильно удивлены. Нетоле в Иштемшире знали все, да и хромого сержанта Леппе тоже.

– Вы куда, ребята? Да еще одеты кое-как. В предместья лучше не соваться по ночам!

– Дело есть дело, – пожал плечами Леппе.

Их сапоги прогрохотали по мостику через сухой ров, калитка позади закрылась.

– А теперь вот что: пойдем вдоль реки, мимо огородов. Там тропинки узкие, так что движемся гуськом. Без крайней нужды друг с другом не разговаривать; если нас окликнут – отвечаю только я, – распорядился Хромой. – Мы хотим без встреч с надзирателями добраться до моста Трех Дев, и это самый лучший путь.

– Может, нам еще и Шоссну придется под мостом переплыть, чтобы со стражей не встречаться? – очень тихо спросил Вик Палассе, но Шели его услышал:

– Я бы на твоём месте не подавал Хромому этой идеи.

11

Когда четверо полицейских покидали Иштемшир, судьба полицмейстера Галашше была уже решена. Негласный председатель Грохенской гильдии, господин Вешшер, сумел склонить на свою сторону большинство членов Магистрата, не говоря уж о бургомистре. О необходимых предпосылках такого поведения городских властей позаботились заранее, на всякий случай. Теперь городская стража и даже морская дружина были подняты по тревоге, а телохранители грохенских купцов замкнули вокруг Управления редкую цепь.

Магистратских старичков Вешшер решил до поры оставить в доме Мачеле, в Старом городе, – нечего им сейчас делать на площади Шале. Командиры корпуса городской стражи и морской дружины уже получили приказ и стягивали своих людей к казарме «грачей». Там драки быть не должно – никто не захочет отправить свою душу в Ад только потому, что так приказал начальник. Да казарма Вешшера и не беспокоила: пусть сами разберутся, все действительно важное произойдет в Управлении, а туда войдут только свои.

Ровно в два часа ночи в окружении полусотни охранников глава грохенцев вышел за ворота Старого города.

В ближайшем переулке горели факелы, широкие спины одетых в серое мужчин загораживали от любопытных глаз лежавших на мостовой чегишаев. Все трое пришедшие встретить лейтенанта Рошке были мертвы. Сам полицейский стоял тут же, одетый в такой же серый плащ с глубоким капюшоном, и покуривал длинную трубку.

– Ну что? – Вешшер подошел прямо к нему. – Все в порядке?

– Конечно. Но ты бы поторопился, а то, чего доброго, «расколятся наши купчики.

– Уже все равно, к утру ты станешь новым полицмейстером!

И все же Вешшер шепнул пару слов помощникам, отправляя еще один взвод на площадь Шале, – и правда следовало поторопиться. Если информация об атори все же просочится за стены Управления, не избежать пристального внимания к инциденту с полицмейстером со стороны Святых Отцов, а тем недолго и свое письмо барону Зеккуне отправить – перехватить будет труднее. Огласки пока допустить было нельзя: слишком рано.

– Слишком рано, – сплюнул Вешшер. – Просчитался я с этим усачом, думал, он еще потянет с решительными действиями. А он сгруппировал, ну надо же...

– Надо было его прежде убрать, – Рошке пыхнул трубкой. – Дел-то на грош.

– Внимания к себе привлекать не хотелось. Хорошо хоть, небесники прошли, теперь Святые Отцы снова голенькие остались.

– А гвардия на Морской стене? Имперцы рубятся получше, чем «грачи».

– Гвардия – мое дело, – похлопал его по плечу Вешшер. – Ты о ней не беспокойся. Лучше готовься речь перед новыми подчиненными произнести. Прямо сейчас пойдешь в казарму, утихомиришь их. Перед рассветом я усажу старичков на носилки и отправлю в Магистрат, с утра они вынесут решение о твоём назначении.

– «Грачи» мне никогда до конца не поверят, – вздохнул Рошке. – Я ведь сегодня дежурный. Почему не вызвал взвод из казармы, если что-то было не так, почему не доложил Святым Отцам? Если Галашше грешен, так и я, значит, тоже.

– Ничего, продержись пару дней, большего не требуется. На допрос к Отцам я тебя не пущу, придумаем какие-нибудь волнения в Заречье, потянем время. Ну, пошли?

– Трупы надо куда-нибудь убрать, – кивнул лейтенант на тела чегишаев. – Кстати, письмо Галашше барону Зеккуне не хочешь посмотреть?

– Потом.

Вешшер небрежно сунул в карман пакет, переданный полицейским. Он примерно знал его содержание, знал также, что один из Совета Святых Отцов, некто Пладде, уже пытался

переслать в Совет Кенчипьяша немало информации. Что ж, шила в мешке не утаишь, однажды все это должно было случиться. Но сделать успели немало, закрепились в Иштем-шире как следует. Учитывая, что в Никее двор местного короля уже контролируется полностью, можно продержаться в Ноосате, этом перешейке между двумя материками, неограниченно долго.

– Что слышно из Соша? – уже на ходу спросил Рошке.

– Все хорошо, они готовы выступать. Конечно, не обошлось без крови, но людей и оружия хватает.

– Пополнение небесников в пути. Они ночуют в Грохене, а потом пойдут прямо им навстречу.

– Никуда они не пойдут, – хмыкнул Вешшер. – Скорее всего. А впрочем, не мне решать, может, и пойдут... У графа Леца голова большая. Что тебе эти новобранцы с пьяными сержантами? Их женские сотни изрубят на марше, отдать бы только приказ.

– Ну да... – Лейтенанта что-то беспокоило. – А стража? Если закроют ворота, придется несладко.

– Они закроют – мы откроем. Рошке, ты что такой пугливый? Жалко с сытной должностью расставаться? Так не жалея, ты и после полицмейстером будешь. Наберешь себе «грачей» покрепче нынешних и будешь за народцем следить.

– Да я не боюсь, я просто думаю, как лучше все сделать. Может, пожар в Совете? Сгорели Святые Отцы, ждем, мол, новых с севера – вот и все, а там видно будет. Как ты думаешь?

– Я думаю! – веско произнес Вешшер. – А раз я думаю, то я и делаю. Отцов перебить недолго, всегда успеем.

– Но они же могут призвать к новой Войне! – всплеснул руками лейтенант. – Вокруг нас фанатики, понимаешь? Если хоть один Отец скажет, что все грохенцы – атори и убивать их благое дело, против нас пойдут даже дети! И уж конечно, никто не будет выполнять наших приказов, это грех.

– Будут, Рошке, будут. Настоящих фанатиков не так много, как тебе кажется, и Грохен тому пример. Мы вот проведем облаву и запрем в Управлении тысячу детишек, а потом скажем: каждый раз, как будем казнить кого-нибудь из вас, дорогие защитники Неба, рядом повесим ребенка. Увидишь, это подействует. И много есть методов, много... Мы должны вырастить в Ноосате новое поколение аборигенов, тех, что не будут видеть в нас демонов. И тогда лет через двадцать-тридцать сами приплывем и на север, и на юг.

Рошке вздохнул и поглубже натянул капюшон – его не должны были узнать, пока он не окажется в Управлении.

«Хорошо бы, Галашше убили сразу. Не очень-то хочется Старому в глаза смотреть... Да и не только ему, – грустил лейтенант, который чувствовал себя не разведчиком, а предателем. – Лучше, чтобы и Бык там оказался, а вот Чатте жаль, на нем все бумаги. Вывести?»

По площади Шале сновали кучками вооруженные люди: стражники, моряки, грохенцы. Из зданий Магистрата и Совета выглядывали охранники, пытаясь понять, что происходит. Остановившись, чтобы пропустить трусящую к казарме «грачей» роту городской стражи, Рошке заметил их неприветливые взгляды.

– Как ты объяснишь наше участие? – опять обратился он к Вешшеру. – Кровь-то окажется на нас.

– Ты скажешь «грачам», что в Управление ворвалась морская дружина по личному приказу бургомистра. Моряки с «грачами» мало общаются; пока разберутся, что к чему, – время уже выйдет. Ну а Магистрату придется признать, что мои люди лишь защищались.

– Ты держишь их семьи? – Лейтенант смотрел на окно кабинета Галашше, там горела одинокая свеча. – Вешшер, не доверяй фанатикам. Они готовы принести в жертву своему Небу собственных детей, лишь бы не отправить свои души в Ад.

– Да перестань же считать меня идиотом, Рошке! – вскипел торговец. – Им пока и в голову не приходит, с кем они имеют дело. Семьи живут за городом на купленных у князя землях, никто им нож к горлу не приставлял. Старички думают, что мы просто жулики, и охотно берут взятки – надо только немного нажать, чтобы им было не так стыдно. Дочери бургомистра я действительно подпалил пальцы свечой, но там и шрама не осталось, обычное дело: так и чегишай, и хулары поступают, грех невеликий. Соберись, господин новый полицмейстер, осталось немного.

Оба, как и все их спутники, прекрасно говорили по-вельшейски и почти не знали других языков. Мягкость выговора выдавала в Вешшере уроженца Грохена, да так оно и было. Почти все члены Грохенской гильдии были крепкого сложения и немалого роста, но это их отличие от иштемширцев становилось заметным, лишь когда купцы и их телохранители собирались вместе, как теперь. Впрочем, не зря ведь существует поговорка «Грохенец и волка загрызет», крепкий народец на западе не редкость.

О том, что этой поговорке чуть больше ста лет, не знал даже отец Пладде.

Казарму взяла в плотное кольцо городская стража, вокруг Управления превалировали фигуры моряков в полосатой форме. У самого входа собралась группа грохенцев, на которую морские дружинники смотрели с недоумением: зачем лезут вперед, если это не их дело?

– Где ваш командир? – Вешшер схватил за рукав ближайшего моряка.

– Вот, капитан Мирре.

– Здравствуйте, капитан, мы ведь с вами знакомы, не так ли? – Грохенец был больше чем на голову выше Мирре и мог бы зубами стащить с того берет, за зеленый пумпон. – Господин бургомистр полагает, что Галашше преступил все человеческие законы и может вместе со своими сообщниками оказать вооруженное сопротивление.

– Да уж об этом я догадался, не зря же такая суeta посреди ночи, – проворчал капитан, недовольно глядя на окруживших его верзил. – Но надеюсь...

– Не надейтесь, его душа уже на пути в Ад, и терять Галашше нечего. Однако сообщать об этом вашим людям теперь не представляется разумным – придется ждать Отцов, которые могли бы дать право морякам убить грешника. В то же время тянуть мне не с руки: в заложниках у Галашше находятся мои друзья. Когда я изложил бургомистру свои соображения насчет опасности для их жизней, он ответил, что не возражает, если на штурм пойдут мои люди. Я нашел добровольцев, так что вам не придется пачкать души в крови.

– Премного благодарен. – Довольный моряк приложил палец к берету. – А то уж мои ворчат: что происходит – не понять, Отцов рядом нет, бургомистра нет... Сами понимаете, пока не убедишься, что тебя хотят убить, сам убивать не станешь, но ведь можно и опоздать!

– Мы возьмем это на себя, – любезно приподнял шляпу Вешшер. – Завтра утром состоится совместное заседание членов Магистрата и Совета Святых Отцов, но мои друзья в плену...

– Вы благородный человек! – Мирре приглашающе простер руку к Управлению и посторонился. – Вы и ваши люди! Удачи вам. В сторону казармы шли гонцы, – наверное, Галашше хотел взбунтовать своих, но вот эти ваши же парни их перехватили, говорят, уже отвели в Магистрат. Да, кстати, двери заперты, и они, как говорят, очень крепки.

– Ничего, мы об этом позаботились, – подсказал один из помощников Вешшера.

Мирре оглянулся и увидел, как несколько грохенцев тащат к дверям один из столбов виселицы, в разобранном виде отдыхавшей от трудов во дворе Управления. Воспользоваться им как тараном подсказал лейтенант Рошке, будущий новый полицмейстер, который, кутаясь в плащ, стоял у самых дверей.

Как Вешшер и ожидал, хваленным дверям Управления хватило одного удара. Не на ту силу они были рассчитаны... Треснул засов, обе створки распахнулись, и перед штурмую-

щими оказались двое полицейских с широко распахнутыми ртами и глазами. Тут же грохенцы хлынули внутрь, сминая «грачей», не успевших даже обнажить оружие.

– Убейте всех, – не приказал, а скорее напомнил Вешшер, входя в твердыню Галашше. – Где Старый?

– Или у себя, или в подвале. – Рошке пробежал к лестнице, на ходу сбрасывая плащ. – Не дайте им закрыться!

Но «грачи» дежурного наряда, столпившиеся вокруг своего внезапно спятившего начальника, совершенно не были готовы сопротивляться. Мерно взмахивая саблями, телохранители купцов прошли через весь коридор и остановились только перед прижавшимся к стене Галашше, судорожно сжимавшим в одной руке оружие, в другой пустую бутылку.

– Господин полицмейстер? – нахмурился Рошке. – Доброй ночи. Ребята, я что, сам должен его прикончить?

– Вешшер спрашивал о нем. – Телохранители купца сомкнули ряды, оттесняя лейтенанта в сторону.

– Вешшер! – сердито закричал Рошке. – Скажи им, чтобы заканчивали скорей!

– Что ты шумишь, дружище? – Грохенец не спеша спустился в подвал. – Лучше открой двери, посмотри, как там наши. У меня складывается впечатление, что полицмейстер все-таки добился кое-каких успехов. Так, Галашше?

Полицмейстер сглотнул и выронил бутылку.

– Атори... – прохрипел он. – Все ли вы атори? Не может быть! Люди! Среди вас демоны!

Вешшер ухмыльнулся, и это едва не стоило ему жизни, – Галашше вдруг прыгнул вперед, целясь острием сабли в горло врага. На счастье грохенца, телохранители мгновенно отразили удар и швырнули полицмейстера назад.

– Демоны... – Галашше попытался подобрать выбитую саблю, но ему наступили на руку. – Рошке, они же атори! Ты отправишь свою душу в Ад, в Ад!

– Заткнись!

Лейтенант справился наконец с дверьми, и вскоре арестованные купцы по одному вышли в коридор. Их встречали улыбками, а появление голых Бохроса и Блеса вызвало целый взрыв хохота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.